

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2003 № 228

СОДЕРЖАНИЕ

- 723-733 Наблюдения над распространением и биологией птиц Красноярского края. К. А. ЮДИН
- 733-734 О нахождении выводка вальдшнепа *Scolopax rusticola* в высокогорье Осетии. Ю. Е. КОМАРОВ
- 734-735 Воздействие врановых на певчих птиц в антропогенных ландшафтах Кубани. Г. С. КИСЛЕНКО
- 736-744 Несколько слов о колебаниях численности некоторых видов птиц Западного Тянь-Шаня. Е. С. ЧАЛИКОВА
- 744-749 Мониторинг водоплавающих и околоводных птиц на водоёмах Кустанайской области (Северный Казахстан) в октябре 2001 и 2002 годов. С. Н. ЕРОХОВ, Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 750-752 Нахodka гнезда трёхпалого дятла *Picoides tridactylus* в окрестностях Печор. А. В. БАРДИН
- 752-755 О зимней экологии лебедя-шипуна *Cygnus olor* в Северо-Западном Причерноморье. М. Е. ЖМУД
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биологический факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XII
Express-issue

2003 № 228

CONTENTS

- 723-733 Observations on distribution and biology of the birds of the Krasnoyarsk Territory. K.A. YUDIN
- 733-734 The sighting of the woodcock *Scolopax rusticola* brood in high-mountain Ossetia. Yu.E. KOMAROV
- 734-735 The influence of corvids on populations of small passerines in the Kuban agrolandscapes. G.S. KISLENKO
- 736-744 A few words about fluctuation in numbers of some birds of Western Tien Shan. E.S. CHALIKOVA
- 744-749 Counts of waterfowl in Kustai region, northern Kazakhstan, in october of 2001 and 2002.
S.N. EROKHOV, N.N. BEREZOVIKOV
- 750-752 Breeding record of the three-toed woodpecker *Picoides tridactylus* in Pechory environs, Pskov Province.
A.V. BARDIN
- 752-755 On the winter ecology of the mute swan *Cygnus olor* in the region near the northwestern coast of the Black Sea.
M.E. ZHMUD
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Наблюдения над распространением и биологией птиц Красноярского края

К.А.Юдин

Второе издание. Первая публикация в 1952*

72. Тонкоклювая камышевка *Tribura taczanowskia taczanowskia* (Swinh.). Встречена нами только 2 раза: 23 июля 1935 в среднем поясе Саяна в бассейне р. Крол (приток Маны) и 21 июля 1941 близ полотна железной дороги, между разъездами "Точильная" и "Ключи", у восточной границы Красноярского края. В первом случае на обширной поляне среди редкоствольного старого лиственничника добыты 2 поющих самца; во втором — отмечен один поющий самец в редкоствольном сосняке с примесью лиственниц и берёз и с густым высокотравным подседом. В обоих случаях птицы держались в непроходимой чаще высокотравья, заваленной сучьями срубленных деревьев, и пели поздним вечером, ночью и на рассвете. Песня — скрипучее стрекотанье, иногда длительное, иногда отрывистое, похожее на крик коростеля, но, конечно, значительно менее сильное. Семенники самцов, добытых 23 июля, были ещё сильно увеличены.

73. Пятнистый сверчок *Locustella lanceolata* (Temm.). Обычен на гнездовые под Красноярском и в Саянах до верховьев р. Маны и нижней границы кедровников. Прилёт у Красноярска отмечен 9 июня 1940, 9 июня 1942, 2 июня 1943 и 4 июня 1944. Запоздавшие пролётные сверчки встречаются вне гнездовых стаций до 20-х чисел июня. Семенники самцов, добытых в предгорьях у Красноярска в начале июля, развиты необычайно сильно. Подлётки, только что покинувшие гнёзда, встречались в 1935 г. в районе с. Выезжий Лог на р. Мане в середине августа. В предгорьях у Красноярска перелинявший в осеннее перо молодой сверчок добыт 4 сентября 1939. Последние пролётные особи добыты здесь же 20 сентября 1945. Пятнистый сверчок в районе наших наблюдений гнездится как в зарослях осок и по высокотравным лугам близ водоёмов, так и в травянистом подседе светлых высокоствольных лесов предгорий и среднего пояса Саяна. Пролётные особи встречались и в зарослях кустарников у лесостепных речек. По пению этот вид неотличим от *Locustella naevia* (Bodd.).

74. Певчий сверчок *Locustella certhiola* (Pall.). Певчие сверчки, гнездящиеся в предгорьях и среднем поясе Саяна, от Красноярска до верхнего течения р. Маны, принадлежат к форме *sparsimstriata* Meise, в альпийской зоне у Манского озера добыты особи, близкие к *centralasiae* Suschk.; под 63° с.ш. на Енисее обитает, видимо, подвид *rubescens* Blyth, он же встречается изредка на пролётах под Красноярском. Этот сверчок появляется под Красноярском в первой декаде июня; отдельные пролётные сверчки встречаются в лесостепи до 20-х чисел июня. 2-3 августа 1935 в районе Манского озера добыты молодые с хвостами длиной в половину нормы.

* Продолжение. Начало в № 227.

Только что покинувший гнездо птенец, с едва показавшимися из-под кроющих хвостом, добыт под $63^{\circ}10'$ с.ш. на Енисее 17 августа 1932. Молодая птица, добытая 20 августа 1934 в окрестностях Красноярска, заканчивала линьку в осенне перо. Отчётливо выраженный пролёт певчих сверчков наблюдался в Красноярской лесостепи между 1 и 8 сентября 1944. Взрослые птицы, добытые в этот период, были очень жирны и находились в линьке мелкого пера. Гнездовые стации этого вида: в альпийской зоне — болотистые луговины с зарослями осок; в тайге — поляны и высокотравные луга с кустарниками; в лесостепи — кочкарники, поросшие осокой и мелкими кустиками.

75. Таёжный сверчок *Locustella fasciolata* (Gray). Обыкновенен, а местами даже многочислен на гнездовые в тайге предгорий от Красноярска до среднего течения р. Маны. Прилёт под Красноярском отмечен 17 июня 1939, обильный пролёт — 24 июня 1940, 23, 24 и 25 июня 1945. Ещё неспособные летать, но уже покинувшие гнёзда птенцы отмечены 27 июля 1940. Подлётики с хвостом в половину или две трети длины добыты 7 августа 1934; молодые, достигшие полного развития, — 12, 13 и 14 августа 1941 и 16 августа 1942. Молодая птица, полностью перелинявшая из гнездового пера, добыта 24 августа 1941. Взрослый самец, добытый 13 августа 1941 от выводка, находился в линьке мелкого пера. Наряду с указанными сроками размножения и линьки поющие таёжные сверчки отмечены ещё 27 июля 1940, 2 и 16 августа 1942. С прилёта эти камышевки держатся более или менее открыто; их можно видеть лазающими в кучах бурелома и молодой поросли. Позже, когда в тайге поднимается высокотравье, увидеть их до периода вылета птенцов почти невозможно. Но как только молодые покинут гнёзда и разбредутся в чаще трав и бурелома, выводки таёжных сверчков становятся весьма заметными — птицы кричат, шныряют в траве и нередко появляются на более открытых окраинах зарослей. В этот период старые птицы совершенно теряют страх перед человеком и, отводя от выводка, возвращаются на расстоянии 2-3 м от наблюдателя. Тревожный крик взрослых птиц при выводках — звонкое тиканье; молодые издают грубое цоканье. Стация таёжного сверчка в период гнездования — опушки тайги, поляны, гари и лесосеки, заросшие высокотравьем и молодой древесной порослью. Особенно охотно эта птица селится в вершинах таёжных ключиков и в долинах небольших речек. На пролётах держатся не только в кустарниках среди лесостепи, но и в садах Красноярска.

76. Толстоклювая камышевка *Phragmaticola aëdon aëdon* (Pall.). Распространение и стации, как у предыдущего вида, с которым эта камышевка очень часто живёт бок о бок. Другими её ближайшими соседями по местообитанию являются краснохвостый сорокопут и толстоклювая пеночка. Под Красноярском толстоклювая камышевка появляется в первой декаде июня. С прилёта и в период насиживания держится скрытно и осторожно. Самцы, поющие обычно на деревьях, редко подпускают на расстояние ближе 30-40 м. Взрослые птицы, отводящие от гнезда, наблюдались в предгорьях у Красноярска 29 июня 1929, выводки птенцов с недоросшими на половину нормы хвостами — 2-3 августа 1941 и 25 июля 1945. В 1934 г. птенцы несколько более старшего возраста отмечены 31 июля. Вполне самостоятельные, перелинявшие в осенне перо молодые камышевки добыты

на кочёвках в лесостепи 21 августа 1927 и 16 августа 1928. Интересно отметить, что линька в осенне перо у этой камышевки начинается ещё тогда, когда рулевые гнездового наряда достигают всего половины нормы. При выводке толстоклювые камышевки ведут себя аналогично таёжному сверчку. В их песне много заимствованных звуков; особенно часто в ней включается пение и тревожный крик краснохвостого сорокопута, на которого, кстати сказать, камышевка очень похожа фигурой и величиной. Старики при выводке издают грубое чоканье, сливающееся иногда в стрекотанье.

77. Бормотушка *Hippolais caligata caligata* (Licht.). Многочисленна на гнездовые в кустарниках и зарослях травянистых многолетников в пределах Красноярской лесостепи. Весной появляется в начале июня. 3 свежих яйца найдены здесь 25 июня 1929, 5 насиженных яиц — 4 июля 1930, 2 наклонутых яйца, 1 только что вылупившийся птенец и яйцо-болтун — 29 июня 1929; 5 оперённых птенцов и яйцо-болтун — 19 июля 1929.

78. Садовая славка *Sylvia borin* (Bodd.). В небольшом числе гнездится во вторичных насаждениях по предгорьям у Красноярска. В период гнездования встречена в молодых, очень густых осинниках, развившихся на заброшенных залежах по окрайку тайги. Энергично поющие самцы добыты 8 июня 1931, 16 июня 1943 и 4 июня 1944.

79. Серая славка *Sylvia communis rubicola* Stres. В период с 1928 по 1937 г. эти славки гнездились в очень ограниченном числе в зарослях шиповника и боярышника по возвышенностям правого берега Енисея, против Красноярска. В эти годы здесь были добыты взрослые и наблюдались молодые экземпляры. Позже эти птицы здесь уже не встречались в связи с тем, что всё указанное пространство было освоено под выгоны.

80. Славка-завишка *Sylvia curruca blythi* Ticeh. Появляется под Красноярском в середине мая; полные кладки бывают в середине июня. Повторная кладка найдена 9 июля 1928. Лётные выводки отмечены 5 и 10 июля 1942.

81. Земляной дрозд *Oreocichla dauma varius* (Pall.). Регулярно гнездится в тайге предгорий у Красноярска и посещает Красноярскую степь на пролётах. Первое пение отмечено: в 1938 г. — 18 мая, в 1940 г. — 12 мая, в 1942 г. — 16 мая, в 1943 г. — 17 мая, в 1944 г. — 14 мая. Во всех случаях птицы держались в строго ограниченных участках леса, видимо в гнездовых участках. Наряду с этим 27 мая 1943 в молодом осиннике на окрайке лесов предгорий встречена группа пролётных земляных дроздов. Молодая самка, добытая 26 июля 1938, заканчивала линьку из гнездового пера. Другой молодой дрозд, найденный мёртвым у Красноярска 2 августа 1942, уже полностью перелинял во взрослое перо. Старый самец, добытый 24 июня 1940, был одет в сильно изношенный наряд, с пробивающимися на лопатках и спине свежими перьями. Поющих при гнёздах земляных дроздов мы встречали и в долинах рек, особенно там, где приречные ельники граничат со смешанными или сосновыми лесами увалов, и по склонам водораздельных хребтов, поросших старыми светлыми сосняками с примесью лиственницы, берёзы и осины, обычно в верховьях ручейков. В июне здесь развивается мощное высокотравье из зонтичных, а также иван-чая и т.д. Земляные дрозды поют ночью и в предрассветные и вечерние сумерки; в июне отдельные самцы поют иногда часов до 8 утра. Пение этой птицы

своеобразно — самец время от времени издаёт меланхолический монотонный свист, в промежутках тихо, скрипуче щебечет. Свист этот слышен на большом расстоянии, вечерами иногда более чем за километр; щебетанье, напротив, очень тихое, и его удаётся слышать только на очень близком расстоянии. Обычно поющий самец сидит неподвижно на вершине или самых верхних ветвях большого, возвышающегося над общим уровнем леса дерева. Вследствие того, что, издавая свист, он поворачивает голову то в одну, то в другую сторону, найти его по голосу очень трудно; нередко даже не сразу удаётся определить, находится ли он на земле или на дереве. 24 июня 1940 на рассвете мы видели, как к поющему на вершине огромной лиственницы земляному дрозду подлетел другой и оба они, сцепившись вместе, клубком слетели в соседний ельник, издавая при этом громкий писк. Иногда эти дрозды поют и на земле. Интересно отметить, что в мае земляные дрозды легко подлетают на манок. Так, 24 мая 1938 удалось подманить одного дрозда настолько близко, что в конце концов он сел на ветку сосны всего в 2-3 м от наблюдателя. В другое время они более осторожны, но всё же приближаются на расстояние выстрела.

82. Сибирский дрозд *Geocichla sibirica sibirica* (Pall.). Гнездится в большом числе под 63° с.ш. на Енисее, в зарослях тальника в долинах рек и в граничащих с ними ельниках. Гнездо с 5 наклонутыми яйцами найдено 2 июля 1932 в низовьях р. Елагуй на старой иве, у основания толстой ветви, на высоте около 2-2.5 м. Спутнугая с гнезда самка бесшумно перелетела на соседнее дерево и там затаилась. Вполне выросшие молодые добыты у среднего течения Елагуя в конце июля-начале августа. Сибирские дрозды как во время пения, так и при гнезде и выводке очень осторожны. Пение этой птицы состоит из двухслогового флейтового свиста и тихого щебетания. По степени сложности песни сибирский дрозд стоит между земляным дроздом и дроздом белобровиком. У Красноярска этот вид был встречен только однажды: 12 июля 1937 в зарослях черёмухи и тальника по долине тайской речки Слизневой в 18 км от Красноярска наблюдался поющий самец. Песня сибирского дрозда настолько характерна и хорошо нам известна по наблюдениям на Елагуе, что не приходится сомневаться в точности определения.

83. Дрозд-рябинник *Turdus pilaris* L. В районе Красноярска наиболее многочислен на гнездовые во вторичных сосново-берёзовых и берёзово-осиновых лесах. Прилетает в средней декаде апреля. Полные кладки ненасиженных яиц найдены 18 мая 1928, 23 мая 1929, 13 мая 1930, 17 мая 1931, 14 июня 1940, 13-14 мая 1945; 7 сильно насиженных яиц — 20 мая 1930. Вылет молодых отмечен 4 июня 1944. Почти доросший птенец добыт в том же году 15 июня и закончивший линьку молодой дрозд 19 августа. В районе наших наблюдений рябинники селятся обычно колониями, по окраинам которых нередко гнездятся и другие дрозды, а также вьюрки, мухоловки и другие мелкие птицы. Гнёзда строят на самой различной высоте, на берёзах, соснах и реже кустарниках. Максимальное число яиц — 7. В некоторые годы эти дрозды в небольшом количестве остаются зимовать под Красноярском у незамерзающих источников.

84. Дрозд-деряба *Turdus viscivorus bonapartei* Cab. Гнездится в борах по Енисею, километрах в 100 севернее Красноярска, в предгорьях Саяна,

до среднего течения р. Маны и в борах в окрестностях Канска. Гнездо с только что вылупившимися птенцами и наклонутым яйцом найдено 27 мая 1930 у Гремячинской сопки в смешанном лесу на сосне, на высоте около 3 м. Три готовых к вылету птенца в гнезде на берёзе найдены там же 8 июня 1944. Недавно покинувшие гнездо молодые отмечены 17 июня 1934, 9 июня 1940, 14-16 июня 1943, 15 июня 1944 и 9-10 июня 1945. В половине июля встречаются вполне самостоятельные молодые дерябы.

85. Певчий дрозд *Turdus ericetorum philomelos* Brehm. Обычен на гнездовье под Красноярском. Прилетает в конце апреля-начале мая. 4 свежих яйца найдены здесь 24 мая 1931, 4 вполне насиженных яйца и 1 болтун — 27 мая 1930, 6 яиц той же степени развития — 28 мая 1945. Птенец с отросшим на одну треть нормы хвостом добыт в тайге предгорий 23 июня 1945. В конце июня и начале июля эти дрозды снова начинают энергично петь и, видимо, приступают ко второй кладке, птенцы которой становятся лётными в начале августа.

86. Дрозд-белобровик *Turdus musicus musicus* L. Найден гнездящимся во вторичных лесах предгорий близ Красноярска, в зарослях поймы Енисея несколько севернее этого города и в тайге самого южного конца Енисейского кряжа. Яйца в средних стадиях насиживания найдены под Красноярском 27 мая 1930 и 28 мая 1931; 5 яиц, содержащих готовых к вылуплению птенцов, и 1 болтун — 31 мая 1930; готовое, но ещё пустое гнездо найдено 14 мая 1944. Выходок птенцов, рулевые которых едва превышали по длине кроющие, встречен 16 июня 1931. Обследованные нами гнёзда белобровика располагались на пнях, поваленных деревьях и т.д.; одно было выстроено прямо на земле, при основании ствола дерева. Число яиц в кладке 5-6.

87. Тёмный дрозд *Turdus naumanni eunomus* Temm. Встречен под Красноярском на весеннем пролёте 27 мая 1943 и 27-28 мая 1945. Осенью добыт только однажды — 4 октября 1933.

88. Краснозобый дрозд *Turdus ruficollis ruficollis* Pall. Многочислен на гнездовье у верхней границы леса близ Манского озера. В конце июля-начале августа 1935 эти дрозды (старые и молодые) встречались здесь в большом количестве ежедневно. Взрослые птицы находились в интенсивной линьке; у самки, добытой 3 августа, недоразвиты рулевые и значительная часть маховых. Многие особи в это время летали с большим трудом.

89. Чернозобый дрозд *Turdus ruficollis atrogularis* Jagocki. Самый многочисленный из дроздов, гнездящихся в районе наших работ. Под Красноярском появляется во второй декаде апреля (наиболее ранняя дата прилёта — 12 апреля 1939). В предгорьях у Красноярска найдены: 5 сильно насиженных яиц и 1 болтун — 23 мая 1929; 4 свежих яйца — 13 мая 1930; 7 сильно насиженных яиц — 27 мая 1930; 7 насиженных яиц — 28 мая 1931; 6 свежих яиц — 24 мая 1938; 7 слабо насиженных яиц — 12 мая 1939; 3 свежих яйца — 21 мая 1941; 6 полуоперённых птенцов — 8 июня 1944. Недавно покинувшие гнездо птенцы отмечены здесь же 5-6 июня 1939 и 14 июня 1940. Вполне доросший птенец добыт 2 июля 1941. Отлёт происходит в середине октября. Одиночные дрозды встречаются под Красноярском в течение всей зимы у незамерзающих источников. В тайге предгорий чернозобые дрозды селятся в сосновых и смешанных лесах по склонам речных

долин и водораздельным увалам. Гнёзда строят на пнях, невысоко на деревьях и изредка даже на земле. Осеню и зимой под Красноярском иногда появляются гибридные экземпляры краснозобого и чернозобого дроздов. Особенно нередки они были в 1927 г. В период с 21 февраля по 5 марта этого года встречались стайки и отдельные группы в садах города. Птицы были очень вялые и, видимо, страдали от морозов и бескорьи. Некоторые из добытых в это время птиц, помимо смеси признаков чернозобого и краснозобого дрозда, имели ещё признаки дрозда Наумана (рыжие центры перьев спины, рыжеватые пестрины на боках и т.д.). Небезынтересно отметить, что в числе нескольких дроздов, по типу окраски близких к чернозобым, добытых нами в разные годы под Красноярском зимой, только один был без признаков гибридного характера.

90. Оливковый дрозд *Turdus obscurus* Gm. Найден нами под Красноярском только однажды, на весеннем пролёте, 27-28 мая 1945. Тем не менее, вероятно, гнездится здесь в тайге предгорий, так как в коллекции Красноярского музея имеется самка с наседным пятном, добытая в июле 1938 года в заповеднике "Столбы".

91. Чекан-каменка *Oenanthe oenanthe oenanthe* (L.). Под Красноярском прилёт отмечен 12 апреля 1933, 16 апреля 1940; 22 мая 1930 найдены 2 кладки в 6 и 7 слабо насиженных яиц. Самая поздняя дата встречи каменки осенью — 7 октября 1941.

92. Чекан-плясун *Oenanthe isabellina* (Temm.). Гнездится в ближайших окрестностях Красноярска, в лесостепи по р. Каче и на правом берегу Енисея в районе с. Торгашино. Покинувший гнездо, но ещё недоросший птенец добыт 30 июня 1934.

93. Чекан-плещанка *Oenanthe pleschanka pleschanka* (Lepech.). Гнездится по открытым каменистым склонам предгорий, ограничивающих Красноярскую лесостепь с юга и юго-востока. Появляется здесь весной в первой декаде мая. 6 слабо насиженных яиц найдены 13 июня 1931, 6 наклонутых яиц — 26 июня 1930. Гнёзда помещались в небольших углублениях каменистых обрывов.

94. Луговой чеканчик *Saxicola rubetra* (L.). Наблюдался под Красноярском только дважды: 15 июля 1927 близ с. Дрокино, на лугу в пойме р. Качи, и 9 августа 1943 в долине Енисея, на опушке леса у дер. Донниковой. В первом случае добыта самка с наседным пятном, во втором — молодые из выводка.

95. Синехвостка *Tarsiger cyanurus cyanurus* (Pall.). Гнездится в тайге на склонах Манского плоскогорья до верхней границы сплошных лесов, в бассейне р. Большой Кемчут (правый приток Чулымы) и найдена в сентябре 1935 г. в большом числе на пролёте у среднего течения р. Таз (фактория Ратта). Прилёт у Красноярска отмечен 29 апреля 1927, 29 апреля 1932, 3 мая 1942, 2 мая 1944; пролёт в лесостепи идёт до конца первой декады мая. Разбивка на пары наблюдалась в тайге предгорий 12-13 мая 1940. Самка с наседным пятном добыта в том же году 8 июня. Недоросшие, но уже покинувшие гнездо птенцы наблюдались 9-10 июля 1941. Молодая птица в конце линьки из гнездового пера добыта в среднем поясе Саяна на р. Мане 17 августа 1935. В тайге по р. Малый Кемчуг наполовину перелинявшая молодая синехвостка добыта 20 августа 1931. Самая поздняя дата нахождения

этого вида под Красноярском — 2 октября 1945. Осенний пролёт синехвосток в среднем течении Таза шёл до начала второй половины сентября. Добытые здесь молодые птицы были в свежем осеннем пере. С прилёта синехвостки держатся группами по 3-5 экземпляров по окрайку тайги и в кустарниках лесостепи, позже перемещаются к местам гнездования. Гнездятся они обычно в тёмнохвойных лесах, особенно любят крутые склоны, поросшие елью и пихтой, нередко близ выходов небольших скал, в щелях которых, видимо, иногда устраивают гнёзда. В равнинной тайге предпочитают участки, заваленные буреломом. После окончания гнездования перекочёвывают в прибрежные насаждения, где и держатся до отлёта. Пение синехвосток обычно приходилось слышать утром и на закате солнца. Поют они май, июнь и большую часть июля. Отдельные особи поют и осенью, по окончании линьки. Кормятся эти птицы близ поверхности земли, в чащце подлеска, среди бурелома и т.д., но вскоре после вылета птенцов нередко наблюдаются в кустарниках, по окраинам каменистых осыпей среди тайги, охотящимися, как мухоловки, за летающими насекомыми.

96. Обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus phoenicurus* (L.). Прилёт отмечен под Красноярском 12 мая 1942, 6 мая 1944, 8 мая 1945. Полные кладки ненасиженных яиц найдены здесь 11 июня 1929, 10 июня 1932, 18 июня 1940. Вылет птенцов наблюдался 27 июня 1941, 14 июля 1944, 6 июля 1945. Самостоятельные молодые в гнездовом пере встречались в разные годы в первых числах августа. Молодой самец, заканчивающий линьку из гнездового пера, добыт в тайге предгорий 13 августа 1940.

97. Соловей-красношёйка *Calliope calliope calliope* (Pall.). Прилёт под Красноярском отмечен 24 мая 1942 и 20 мая 1944. Пролётные особи встречаются в лесостепи до середины июня. Гнездо с 4 слабонасаженными яйцами найдено на окрайке тайги предгорий 15 июля 1941 на земле, в молодой поросли осин и берёз. Оно имело шарообразную форму и боковой вход. Наибольший диаметр его лотка 6.3 см, наименьший — 5.5 см; глубина 7 см; толщина стенок — 2.5-4 см. Молодые с едва пробившимися рулевыми встречены 9 июля 1942. Молодые во вполне развитом гнездовом пере добыты: у Красноярска — 13 августа 1940 и у Манского озера — 7 августа 1935. Молодой самец, заканчивающий линьку из гнездового пера, добыт в тайге предгорий 24 августа 1941.

98. Таёжный соловей *Pseudaëdon sibilans* (Swinh.). Найден на гнездовье в предгорьях Саян у Красноярска, на пролёте в Красноярской лесостепи и отмечен по пению на нижнем течении р. Елагуй ($63^{\circ}10'$ с.ш.). На весенном пролёте отмечен в лесостепи и предгорьях 2 июня 1935, 5-6 июня 1939, 8 июня 1940, 7-8 июня 1941, 4 июня 1944, 3 июня 1945. Недавно покинувшие гнездо птенцы, с хвостами едва длинней кроющих, встречены в предгорьях у Красноярска 19 июля 1940 и 10 июля 1941. Молодой самец, заканчивающий линьку из гнездового пера, добыт здесь же 13 августа 1940. На весенном пролёте таёжные соловьи встречаются в самых разнохарактерных древесных и кустарниковых насаждениях, включая сады Красноярска. Гнездовые стации этих птиц, напротив, строго определённы. В предгорьях у Красноярска типичным их местообитанием являются еловые и пихтовые леса по склонам речных долин, особенно участки этих насаждений, прилежащие к зарослям черёмухи, ивы и других кустарников, обра-

зующих непроходимые чащи с сырой, иногда слегка заболоченной почвой. Именно в таких участках обнаружены были выводки таёжных соловьёв 14 июля 1940 и 10 июля 1941, в обоих случаях совершенно неожиданно. Молодые вылетели почти из-под ног и расселись неподалёку, на земле и в буреломе; летали они очень слабо и ещё не умели как следует присаживаться на ветви. Старики, забыв обычную свою осторожность, с тревожными криками перепархивали с места на место и пытались отвести от выводка. Издаваемые ими тревожные крики — обычные для других соловьёв односложный свист и чоканье. После разбивки выводков таёжные соловьи встречались нам в приречных зарослях, в тайге предгорий. На Елогуе пение таёжных соловьёв мы слышали в начале июля в частично затопленных наводнением ельниках. Пение этих птиц настолько своеобразно, что ошибка в определении в данном случае исключена.

99. Синий соловей *Larvivora cyane cyane* (Pall.). Многочислен на гнездовые в тайге предгорий Саяна у Красноярска и у южного окончания Енисейского кряжа. Проникает в область правых притоков Чулымы (р. Малый Кемчуг). Появление в гнездовых стациях в тайге предгорий отмечено 5 июня 1940, 7-8 июня 1941, 13 июня 1942, 9 июня 1945. В то же время пролётные одиночки попадаются в лесостепи и задерживаются здесь до 20-х чисел июня. Выводки подлётков встречены в предгорьях 18-19 июля 1940; 9-10 июля 1941; молодой самец, наполовину перелинявший из гнездового пера, добыт 5 августа 1938. Вполне самостоятельные молодые, кончающие линьку из гнездового пера, добыты: в тайге предгорий — 13 августа 1940 и 16 августа 1942; в тайге по р. Малый Кемчуг — 20 августа 1931. Линяющие взрослые добыты при выводках 18-19 июля 1940. Разгар линьки старых особей падает на начало августа: самец, добытый 3 августа 1941, находился в интенсивной линьке крупного оперения (из рулевых сохранилось только одно). Несколько других особей, встреченных в тот же день, настолько сильно линяло, что едва могло летать. На весеннем пролёте синие соловьи держатся в подлеске и в приречных зарослях в лесостепи. Гнездятся они в ельниках и пихтачах по долинам небольших таёжных речек и ручьёв. Особенно многочисленны в тёмнохвойных насаждениях, граничащих с приречными чащами, и в полосах елово-пихтовых насаждений среди высокотравных таёжных лугов. В такой обстановке нам удавалось насчитывать на маршруте в 1 км от 5 до 10 самцов, поющих в гнездовых участках. В ранние утренние часы синие соловьи поют, сидя на верхушках деревьев, в позднее утро и вечером — в чаще подлеска невысоко от земли. Недавно покинувшие гнездо выводки чаще всего встречаются в пограничных участках между тёмнохвойными насаждениями и приречной зарослью. Таёжные речки предгорий обычно очень извилисты. Подходя то к одному, то к другому склону своих долин, они образуют или обрывистые берега, или обширные низменные займища, которые зарастают ельником, непролазным ивняком, черёмухой и др. Там, где займище подходит к склону долины, обычны старицы, мелкие глухие озерки, лужи и участки с илистой насыпной почвой. С одной стороны такие водоёмы граничат с тёмнохвойной тайгой, с другой — с зарослью поймы. В таких местах собственно и держатся синие соловьи после вылета птенцов, а также и тогда, когда молодые станут совершенно самостоятельными. Об осторожности синего соловья

хорошо известно из литературы (Сушкин 1938), но следует отметить, что эти данные относятся только к птицам у гнёзд с яйцами или птенцами. При выводках эти птицы забывают свои обычные повадки и с тревожными криками пытаются отвести человека от своего потомства.

100. Горная завирушка *Prunella montanella montanella* (Pall.). Гнездится в горном редколесье у Манского озера. На осеннем пролёте наблюдалась под Красноярском и между 63 и 64° с.ш. в долине р. Таз. 1-12 августа 1935 в районе Манского озера встречены ещё неразбившиеся выводки и одиночные, начавшие линять молодые. Держались они в группах кедров среди альпийских лугов. На р. Таз осенний пролёт шёл в течение всей первой половины сентября 1932; под Красноярском эти птицы добыты в первых числах октября. Держались они в кустарниках у лесостепной речки.

101. Белобрюхая оляпка *Cinclus cinclus leucogaster* Bonap. Гнездится по рекам предгорий и среднего пояса гор от Красноярска до верховьев р. Маны. Самостоятельная молодая оляпка в полном гнездовом пере добыта у верховьев этой реки. Несколько пар, кормивших птенцов, встречены на р. Слизневой близ Красноярска 9 и 10 июня 1942. Зимой под Красноярском собрана серия оляпок, представляющих ряд переходов от совершенно белых снизу до тёмнобрюхих и тёмнозобых.

102. Деревенская ласточка *Hirundo rustica* subsp.? Прилёт под Красноярском отмечен 15 мая 1941, 18 мая 1942, 9 мая 1943. Две кладки найдены здесь 22 июня 1929; одна из них состояла из 6 яиц в средних стадиях насиживания, другая — из 5 свежих яиц. Массовый вылет молодых у деревенских ласточек совершается в самом конце июля. Последние осенние ласточки отмечены 17 сентября 1941.

103. Городская ласточка *Delichon urbica urbica* (L.). Прилёт в Красноярске отмечен 12 мая 1940, 10 мая 1941 и 3 мая 1945. Сроки вылета — как у предыдущего вида. В районе Красноярска эти ласточки селятся не только на строениях, но и образуют обширные колонии на береговых утёсах Енисея и его крупных правых притоков.

104. Береговая ласточка *Riparia riparia* subsp.? Прилёт под Красноярском отмечен 7 мая 1929 и 9 мая 1943; полные кладки — в 20-х числах июня; вылет — в конце июля-первых числах августа.

105. Седоголовый дятел *Picus canus jessoensis* Stejn. Самец с насыщенным пятном добыт в предгорьях у Красноярска 12 мая 1939.

106. Чёрный дятел *Dryocopus martius martius* (L.). Обычен на гнездовые в высокоствольных лесах Саяна. Редок под 63° с.ш. на Енисее. Кладка в 4 ненасиженных яйца найдена под Красноярском 13 мая 1930. Размеры яиц, мм: 36.5×26.9; 36.4×27.0; 36.2×25.7; 36.2×26.6. Гнездо, из которого была взята эта кладка, было устроено в толстой старой осине, на высоте около 4 м. Столь доступное расположение гнезда представляет большую редкость. Обычно чёрные дятлы в предгорьях Саяна строят гнёзда в огромных, часто совершенно лишённых сучьев, сухих лиственницах. Нередко дупла чёрных дятлов, в тех случаях, когда они устроены в деревьях близ скал, занимают галки.

107. Большой пёстрый дятел *Dryobates major brevirostris* (Reichenb.). Гнездо с 4 ненасиженными яйцами найдено в предгорьях у Красноярска 4

июня 1929. В верховьях р. Таз этот дятел добыт зимой 1933.

108. Вертишайка *Jynx torquilla torquilla* L. Прилёт под Красноярском отмечен 12 мая 1941 и 5 мая 1943.

109. Голубой зимородок *Alcedo atthis atthis* L. Вполне лётные птенцы наблюдались под Красноярском 7 июля 1927. Кладка из 7 яиц, найденная в тот же день, находилась в последних стадиях насиживания. В 1936 г. 4 свежих яйца найдены 21 июля.

110. Белопоясный стриж *Apus pacificus pacificus* (Lath.). В районе Красноярска и выше по Енисею многочислен на гнездовые всюду, где имеются скалы. В самом городе и его ближайших окрестностях численно во много раз превосходит чёрного стрижа. Прилёт под Красноярском отмечен 31 мая 1938, 29 мая 1939, 24 мая 1940, 1 июня 1941, 1 июня 1943, 29 мая 1944, 30 мая 1945.

Спаривание наблюдалось 14 июня 1942. Происходит оно на лету: партнёры сцепляются и летят, кувыркаясь, почти отвесно вниз, не долетев до земли метров 10-15, они разлетаются и взмывают вверх. Полные кладки добыты в предгорьях у Красноярска 26 июня 1930 и 19 июня 1939. Сильно насиженные яйца встречались в гнёздах этого стрижа в первой декаде июля. Число яиц в полной кладке обычно 2, изредка 3. Размеры яиц одной из кладок: 24.8×16.6; 25.2×16.7 мм. Основная масса молодых стрижей покидает гнёзда в первой декаде августа. Белопоясные стрижи в районе Красноярска селятся колониями в скалах или высоких каменных зданиях; в бассейне Большого и Малого Кемчуга также в дуплах старых сухих лиственниц. Обследованные нами гнёзда были устроены в щелях известняковых скал, на высоте от 2-3 до нескольких десятков метров от подножия утёсов. Гнездо представляет собой грубую постройку, расположенную обычно далеко от выхода; как правило, оно асимметрично, сложено из стеблей злаков и перьев, склеенных слюной. Лоточек настолько мал и неглубок, что яйца нередко выпадают из него. Высиживающий стриж, будучи потревожен, часто не вылетает из щели, а наоборот, старается заползти в самый отдалённый её угол. Неоперённые птенцы сидят, крепко вцепившись в дно гнезда; более взрослые в случае опасности, подобно старым птицам, заползают в труднодоступные щели. Самец, добытый 1 августа 1940, имел наседное пятно. Подъязычный мешок его был так набит насекомыми, что складка кожи подбородка выступала вперёд конца подклювья. Интересно отметить, что белопоясные стрижи в июне, судя по голосам, летают и ночью.

111. Колючехвост *Hirundapus caudacutus caudacutus* (Lath.). Наблюдался регулярно в области верховьев Маны с 24 июля по 28 августа 1935. В июле эти птицы встречаются поодиночке, в августе — значительными стаями. Появлялись они перед закатом солнца, некоторое время охотились над рекой или над лугами и исчезали вскоре после наступления сумерек. 8 августа несколько колючехвостов были замечены над горной тундрой в истоках р. Кан. В окрестностях Красноярска колючехвосты попадались нам не регулярно. Наибольшее количество их отмечено в окрестностях Бархатовой у южного конца Енисейского кряжа. В августе 1936 мы наблюдали и добывали этих птиц, охотившихся над открытыми крутыми склонами долины р. Есауловки. Добытые экземпляры были очень жирные, в подъязычных мешках у них обнаружены комки склеенных слюной крылатых му-

равьёв. Самка, добытая у дер. Бархатовой 4 августа 1936, имела наследное пятно и находилась в слабой линьке мелкого пера. 22 и 23 июня 1944 стайка колючехвостов была замечена у Чёрной сопки, в 18-20 км на юго-восток от Красноярска. Стрижи появились вечером и долго охотились над крутыми, покрытыми крупнокаменными осипями склонами сопки. После заката солнца они исчезли, но утром следующего дня появились опять на том же месте. Вели себя они несколько необычно — гонялись друг за другом, дрались на лету и издавали крики, чего ранее мы никогда не наблюдали. Голос колючехвоста такой же, как и у прочих наших стрижей, но он непропорционально росту slab и не столь резок. По быстроте полёта колючехвост превосходит белопоясного стрижа в 1.5-2 раза, но по маневренности значительно уступает ему. В этом мы убедились, наблюдая одновременно оба вида, охотившихся смешанной стайкой. Кроме наших личных наблюдений, имеется ещё одно сообщение о находке молодого колючехвоста с переломленным крылом под телеграфными проводами близ с. Дрокино, в 12 км от Красноярска, 20 августа 1929. Экземпляр был доставлен нам; первые маховые оказались у него недоразвитыми.

112. Козодой *Caprimulgus europaeus zarudnyi* Hart. Самая ранняя дата нахождения козодоя под Красноярском весной — 20 мая 1941. Самка с готовым к сносу яйцом в яйцеводе добыта 17 июня 1939. Кладка ненасиженных яиц найдена 17 июня 1945. Две кладки яиц в средних стадиях насиживания найдены 6 июля 1942. В некоторые годы период гнездования у козодоев сильно растягивается. Так, например, в 1942 г. вечером 2 августа мы наблюдали одновременно токовый полёт и добыли вполне развитую молодую и взрослую птицу в линьке. В 1939 г. последний козодой добыт в Красноярске 17 сентября. В этот день на окрестных горах уже выпал небольшой снег.

(Окончание в следующем номере журнала)

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 227: 733-734

О нахождении выводка вальдшнепа *Scolopax rusticola* в высокогорье Осетии

Ю.Е.Комаров

Второе издание. Первая публикация в 1993*

22 июля 1992 в субальпийском березняке хребта Цехацитит, на высоте 2250 м н.у.м., на склоне северо-западной экспозиции встречен выводок вальдшнепа *Scolopax rusticola*, состоявший из 2 птенцов. Птенцы вместе со

* Комаров Ю.Е. 1993. О нахождении выводка вальдшнепа в высокогорье Осетии //Кавказ. орнитол. вестн. 5: 71.

взрослой птицей, видимо самкой, сидели среди мха с брусникой. Взрослая птица подпустила к себе почти вплотную и взлетела, унося в лапах птенца, скорее всего младшего, не умеющего ещё летать. Тяжело пролетев метров 50 вниз по склону, она как бы упала в траву. Второй птенец, в $\frac{2}{3}$ взрослой птицы, оставался на месте до тех пор, пока его не попытались взять в руки. Тогда он резко взлетел и, переваливаясь влево-направо, тяжело пролетел 25-30 м и сел в густую траву.

Это первая встреча вальдшнепа в субальпийском поясе в репродуктивный период в Северной Осетии.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 228: 734-735

Воздействие врановых на певчих птиц в антропогенных ландшафтах Кубани

Г.С.Кисленко

Второе издание. Первая публикация в 1989*

Исследования проводились весной 1979-1981, 1986-1987 и осенью 1970, 1973, 1975, 1977-1978, 1980, 1982-1983, 1985-1987 годов в пойменных лесах Кубани и близлежащих полезащитных полосах окрестностей посёлка Гирей, а также на территории последнего и других селений Гулькевичского района Краснодарского края (Кисленко 1983). Кроме того, в работе использованы сведения послевоенных лет.

Со второй половины 1940-х до середины 1960-х сойка *Garrulus glandarius*, по балльной оценке А.П.Кузякина (1962), была обычной гнездящейся птицей пойменных лесов и довольно редкой — лесных полос (здесь её чаще наблюдали на осенних кочёвках). Обилие гнездящихся сорок *Pica pica* и ворон *Corvus cornix* здесь находилось на уровне многочисленных-обычных и обычных-редких птиц, соответственно. Грач *C. frugilegus* гнездился в лесополосах за пределами стационара, а галка *C. monedula* на гнездовые была крайне редка. При этом сойка, сорока и серая ворона как в пос. Гирей, так и в других (даже небольших) селениях данного района не гнездились.

Поддержанию такой численности врановых способствовали следующие причины. Во-первых, в то время процветала традиция весеннего сбора птичьих яиц 10-15-летними мальчиками, которые большими группами регулярно обследовали лесные участки и разоряли все встреченные гнёзда раннегнездящихся видов, значительно подрывая продуктивность популяций последних. Во-вторых, в те годы сойка считалась у местного населения дичью: она служила объектом охоты. Сюда же следует отнести игнорирова-

* Кисленко Г.С. 1989. Воздействие врановых на певчих птиц в антропогенных ландшафтах Кубани //Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах. Липецк, З: 63-65.

ние установленных правил и сроков охоты. В конце 1950-х традиция разорения птичьих гнёзд начала постепенно угасать, а к 1970-м полностью отмерла. Произошёл резкий подъём численности врановых. Сойка стала обычной птицей в лесополосах. В пойменных лесах её обилие заметно переросло численность сороки, которая часто гнездилась в тростниках и по окраинам селений, а с середины 1970-х даже в посёлках городского типа. Серая ворона повсеместно перешла в ранг обычных видов. В конце 1970-х она начала гнездиться в селениях.

В осенние периоды второй половины 1970-х численность сойки колебалась от 20 до 35 ос./км², а её осеннее обилие в 1980-х иногда достигало 40 ос./км². В селениях сойка загнездилась позже остальных врановых: в старых парках в начале 1980-х, а на окраинах посёлков — с середины 1980-х. Первое гнездо сойки на улице посёлка Гирей зарегистрировано в 1986.

В 1986 на гнездовые в пойменных лесах Кубани отмечена пара воронов *Corvus corax*.

Под контролем сороки находятся преимущественно опушечная часть леса и расположенные рядом тростниковые заросли, а серой вороны — открытые пространства вокруг водоёмов и сами водоёмы. Сойка является разорителем гнёзд лесных видов птиц.

Увеличение численности сойки привело к снижению численности открыто гнездящихся воробиных птиц. В конце 1940-х - 1960-х годах такие виды, как зяблик *Fringilla coelebs*, чёрный дрозд *Turdus merula*, черноголовая славка *Sylvia atricapilla*, длиннохвостая синица *Aegithalos caudatus*, южный соловей *Luscinia megarhynchos*, жулан *Lanius collurio*, дубонос *Coccothraustes coccothraustes*, чернолобый сорокопут *Lanius minor*, зеленушка *Chloris chloris*, черноголовый щегол *Carduelis carduelis* были многочисленными, а певчий дрозд *Turdus philomelos*, иволга *Oriolus oriolus*, серая мухоловка *Muscicapa striata*, зелёная пересмешка *Hippolais icterina* — обычными птицами пойменных лесов. В настоящее время больше половины из перечисленных видов стали редкими и крайне редкими или исчезли совсем, и только первые шесть из перечисленных видов ещё пока обычны в отдельных местах, однако и здесь наблюдается дальнейшее снижение их численности. Так, неоднократно, вплоть до середины мая, отмечалось повторное строительство гнёзд взамен разорённых сойкой у длиннохвостой синицы. Очень незначительна успешность размножения чёрного дрозда: из 7 гнёзд, судьба которых прослежена в 1979-1987, пять (71.4%) разорено сойкой. Существование популяции этого вида поддерживается в основном за счёт повторных кладок. Зеленушка, щегол и серая мухоловка теперь чаще гнездятся в селениях, чем в лесу. До минимума сократилась численность некогда обычной в лесах обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur*. Сегодняшний фон птичьего населения пойменных лесов Кубани создают дуплогнездники: большая синица *Parus major*, лазоревка *P. caeruleus*, большой пёстрый дятел *Dendrocopos major*, закрыто гнездящаяся теньковка *Phylloscopus collybita*, у которой сойка также иногда разоряет гнёзда (1 из 8 обследованных), и врановые.

Несколько слов о колебаниях численности некоторых видов птиц Западного Тянь-Шаня

Е.С. Чаликова

Заповедник Аксу-Джабаглы, с. Жабагылы, Тюлькубасский район, Южно-Казахстанская область, 487964, Казахстан. E-mail: echalikova@mail.kz

Поступила в редакцию 5 мая 2003

Вопросы изменения численности хозяйствственно ценных и редких видов птиц всегда привлекали внимание человека. С тех пор, как широко распространилось ведение Красных книг, птицам редким и исчезающим уделяется особое внимание, а информация о колебании их численности и её причинах регулярно обсуждается в печати. Однако в последнее время всё чаще поднимаются вопросы об уменьшении или увеличении численности и других, более обычных видов. В заповеднике Аксу-Джабаглы, где беспрерывные орнитологические наблюдения ведутся с 1926 года, такие данные всегда фиксировались (Ковшарь, Чаликова 1992). Особый интерес в данном случае представляет то обстоятельство, что эта заповедная территория более 75 лет не подвергалась сколько-нибудь существенному антропогенному воздействию и происходящие здесь изменения нельзя объяснить одним только вмешательством человека. Наблюдения на протяжении последних 20 лет показали, что флюктуациям в той или иной степени подвержена численность всех видов птиц. Однако характер этих флюктуаций и факторы, их вызывающие, могут быть различными. Для большинства видов удалось найти подтверждение существования колебаний их численности и в других частях ареала. В настоящей статье коснемся лишь некоторых из них.

Ярким примером могут служить наблюдения за соловьем-белошайкой *Irania gutturalis*. В 1926 г. в заповеднике Аксу-Джабаглы его нашли "очень обильным" по отдельным ущельям, в 1933-1935 он встречался повсеместно (Шульпин 1965). В 1944-1947 он гнездился лишь в небольшом числе (Шевченко 1948). С 1959 по 1965 год его встретили всего один раз в 1961 г., а в 1966 г. нашли первое гнездо (Ковшарь 1966). С 1968 по 1978 удалось провести наблюдения за 5 гнёздами белошайки, ставшего обычным видом и встречавшемся довольно широко от северных до южных границ заповедника (Иващенко 1979). К 1981 году на участках протяжённостью по 0.5 км в двух узких ущельях в южной части заповедника гнездилось не менее 5 пар (Иващенко 1982). С 1983 до 1990 белошайка являлся обычным видом только в одном из уроцищ, за пределами которого встречен лишь дважды. В 1991 г. там же найдены последние 2 из 36 известных начиная с 1966 г. гнёзд (Ковшарь 1966; Иващенко 1979, 1982; Чаликова, Иващенко 1990), а 18 июля 1991 там же состоялась последняя встреча этой птицы (самка с кормом). В последующие годы белошайку на территории заповедника и в ближайших к нему окрестностях не встречали. Итак, отмеченный в заповеднике в 1926 году как многочисленный, соловей-белошайка к 1948 году

стал встречаться в незначительном числе (период 22 года), а затем исчез. Потом снова стал гнездиться в 1966 г. (приблизительно через 16 лет) и к 1968 вновь стал обычным видом. В 1992 г. соловей-белошёйка повторно исчезает (через 26 лет). Таким образом, анализируя имеющиеся данные, осмелимся предположить, что соловей-белошёйка вновь появится в заповеднике к 2006-2008 г.

По другим районам имеем следующие сведения. В конце 1940-х - начале 1950-х годов *I. gutturalis* был обычен по Угаму и Пскemu (Корелов 1956), в 1976-1978 — немногочислен (Митропольский и др. 1981); в 2002 году он в верхней части последней долины не встречен (Ковшарь 2002). В Чаткальском заповеднике белошёйка был редок в 1940-х (Железняков, Колесников 1958), а в 1980-х – начале 1990-х встречался лишь на пролёте (Лановенко 1997). На южных склонах Гиссарского хребта в Таджикистане в 1950-е был редок, но уже в 1959 г. здесь же насчитывают от 1 до 3 пар на 1 км пути (Леонович 1962). В 1957-1958 гг. белошёйка отсутствовал в Киргизском Алатау напротив ст. Акыртюбе, а в 1960 г. здесь же гнездовые пары попадались в каждом отщелке (Корелов 1964). В 1984 г. трёх самцов встретили в горах Малайсары в Джунгарском Алатау (Лапшин 2002), где этот вид прежде не отмечали. Более постоянна численность белошёйки в восточном и центральном Карагату. Он был обычен здесь в конце XIX в. (Корелов 1964) и в 1983 г. (С.Л. Скляренко, устн. сообщ.), многочислен — в 1926, 1941, 1991-1993 и 2002 годах (Шапошников 1931; Долгушин 1951; Губин, Карпов 2000; Гаврилов, Колбинцев 2002). Высказанное О.В. Митропольским (2002) предположение, что белошёйка в условиях повышенной антропогенной нагрузки становится очень редким или вообще исчезает, нашими наблюдениями не подтверждается. Так, с заповедной территории он периодически исчезает, но в то же время всегда присутствует в Карагату — зоне интенсивного антропогенного воздействия.

Другой пример — райская мухоловка *Terpsiphone paradisi*. В 1978 году на основании того, что в пределах основных мест гнездования она появилась только в последние 30-40 лет, её внесли в Красную книгу Казахской ССР (1978). Однако после дальнейшего, более пристального изучения этого вида оказалось, что он — не такой уж и редкий. Поэтому на страницах второго и третьего издания Красной книги Казахстана (1996) этот вид отсутствует.

Значительные колебания численности райской мухоловки неоднократно отмечались в течение последнего столетия. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы в 1933-1935 её не встретили ни разу (Шульгин 1961), в 1944-1952 видели только дважды (Шевченко 1948; Корелов 1964). В 1959-1965 она нормально гнездилась в двух уроцищах, причём численность её с 1960 по 1964 постоянно увеличивалась (Ковшарь 1962, 1966). В 1971-1973 она была обычной ещё по двум ущельям (Губин 1991), к началу 1980-х найдено ещё одно новое место её гнездования (Иващенко 1982; Губин 1991), а в 1988 — ещё четыре. За 20 последних лет райская мухоловка была особенно многочисленной (т.е. найдена на гнездовании во всех известных местах) в 1988 и 2001 годах, тогда как в 1990-1993, 1995-1997 и 1999 в гнездовое время не была встречена ни разу. Регулярные наблюдения в одном из ущелий в течение последних 9 лет показали, что по одной паре этих птиц гнездилось здесь только четыре раза в 1994, 2000-2002 годах (в 1983 — 3 пары).

О повышении или сокращении численности райской мухоловки можно судить и по числу её встреч осенью в с. Жабагылы (бывшая Новониколаевка). Так, ежедневная регистрация птиц в течение последних 5 лет показала, что в 1998 г. она встречена всего 3 раза (с 21 по 23 августа), в 1999 г. — ни разу, в 2000 г. — 6 раз (с 18 по 30 августа), в 2001 г. — 19 (с 18 июля по 19 сентября) и в 2002 г. — 3 (27 и 28 июля, 29 августа). В последний год 4 гнезда *T. paradisi* нашли западнее территории заповедника, по руслу реки Даубаба.

Заметные колебания численности райской мухоловки наблюдаются и в Карагату. И.А.Долгушин (1951) внёс её в список птиц региона на основании находок, сделанных в начале XX в. Н.А.Зарудным и в 1920-х годах Д.Н.Кашкаровым. Однако ни он сам в 1941, ни Л.В.Шапошников (1931) в 1926 её здесь не встречали. Первые сведения о находке *Terpsiphone paradisi* в Боролдае относятся к 1958 (Ковшарь 1970). В 1980-х, начале 1990-х и в 2001 году получены более полные данные по распределению и численности райской мухоловки в Малом Карагату (Колбинцев 1991; Губин, Карпов 2000; Хроков 2002). Подобные наблюдения проведены и на хребте Бородай (Скляренко 1991). В таблице приведены данные о количестве найденных гнёзд в некоторых ущельях начиная с 1981, а также наши наблюдения за 2002 год (в Ульген-Кокбулаке гнёзда найдены только около кордона лесника, в самом ущелье тугай полностью уничтожен огнём в 2000-2001 гг.).

Число найденных гнёзд райской мухоловки *Terpsiphone paradisi*
в разных ущельях Карагату

Ущелья	Годы наблюдений								
	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1988	1991-1993	2002
Ульген-Кокбулак	4	4	11-15 пар	—	—	15	—	—	4
Бозторгай	—	—	—	2	—	—	—	—	1
Бородай	—	—	—	2	16	4	4	—	3
Бельдыбулак	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Беркара	—	11	20	22	25	—	—	—	6 пар*
Саясу	—	2	2	—	—	—	—	—	3
Журунсай	—	—	1	—	—	—	—	5-6 пар	—
Аксакалсай	—	—	2	—	—	—	—	10	—
Караунгур	—	—	—	—	—	—	—	—	2

* — по наблюдениям в 201 году.

Как видно из таблицы, заметное нарастание численности райской мухоловки началось в начале 1980-х годов. Именно этот период совпадает со встречами *T. paradisi* на гнездовании в новых местах: в ущелье Мерке в Киргизском Алатау в 1980 г. и в ущелье Коктал в северной части Карагату в 1982 г. (Колбинцев 1984). К этому времени относится и её залёт в западную часть пустыни Бетпак-Дала в 1983 г. (Ковшарь 1988). Тенденция к расширению ареала в северо-восточном направлении вновь начала прослеживаться в начале 2000-х с нахождением гнезда райской мухоловки 31 мая 2001 в Киргизском Алатау на реке Аспара у посёлка Гранитогорск (Карпов,

Белялов 2002). Как в первом, так и во втором случае освоение новых территорий началось в период максимальной численности вида в прежних местах гнездования (1984 — Карагату, 2001 — Таласский Алатау).

Несколько иначе дело обстоит с туркестанским жуланом *Lanius phoenicuroides*. В Аксу-Джабаглы до 1980-х годов он всегда был многочислен на гнездовые и очень широко распространён по вертикали — от сёл в предгорьях до верхнего предела стелющегося арчовника на высотах 1000-3000 м над уровнем моря (Шульпин 1956; Шевченко 1948; Ковшарь 1966). В 1930-х и 1960-х он в изобилии гнездился в сёлах предгорий (Шульпин 1956; Ковшарь 1966). В арчовом лесу встречался втрое и вдвое чаще, чем в сёлах и среди зарослей стелющейся арчи (Ковшарь 1966). В 1980-е *L. phoenicuroides* перестал гнездиться в с. Жабагалы, а с 1983 г. его ни разу не отмечали здесь летом. Снизилась его численность и в высокоствольном арчовнике, но в стелющемся он всё ещё оставался обычным (Ковшарь, Чаликова 1992). В начале 1990-х единичные пары продолжали встречаться в арчовом лесу только в одном из уроцищ, а с середины 1990-х — только в стелющемся арчовнике в северной части заповедника, да и то не ежегодно.

Заметно снизилась численность *L. phoenicuroides* и в пролётное время. Осенью в его летело в 1990-х в 5 раз меньше, чем в 1980-х (в среднем по 0.31 и 1.55 ос./час, соответственно). С середины 1990-х практически выровнялось соотношение птиц, пролетающих горами и предгорьями. В 1930-х годах туркестанские жуланы на пролёте были более обильны в предгорье, тогда как в горах уже редки (Шульпин 1956).

С 1980-х в летний период *L. phoenicuroides* не отмечается и в г. Чимкенте, где он гнездился до 1970-х (Корелов 1970). Редок он стал и в Чаткальском заповеднике (Лановенко 1997), где в 1930-1940-е был обычен (Железняков, Колесников 1958). В конце 1940-х он был обычен по склонам Пскемского хребта (Корелов 1956), а со 22 июля по 7 сентября 2002 его встретили здесь всего 9 раз (Ковшарь 2002). Другая закономерность в изменении его численности прослеживается по долине р. Аксаката и в различных частях Карагату. В первом случае, в 1948-1949 он был крайне редок (Корелов 1956), а в 1984-1985 — обычен (Аюпов, Хакимова 1988). Во втором — в 1926 обычен (Шапошников 1931), в 1941 редок (Долгушин 1951), в 1950-1960-х вновь обычен и местами даже многочислен (Корелов 1970), в 1991-1993 его здесь не встретили ни разу (Губин, Карпов 2000), а в 2000 он всё ещё в небольшом числе гнездился в окрестностях оз. Кызылколь (Коваленко и др. 2002). В 1960-1970-х значительное повышение его численности отмечали в юго-западных отрогах Зарагашанского хребта (Алланазарова, Сагитов 1979).

В 1930-х годах Л.М.Шульпин (1961) обратил внимание на то, что увеличение или уменьшение численности туркестанского жулана и ястребиной славки *Sylvia nisoria* происходит синхронно. Наличие такой сопряжённости в динамике популяций двух видов подтверждается и нашими наблюдениями. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы *S. nisoria* была довольно обычна и местами даже многочисленна в 1926, а в 1933, несмотря на специальные поиски, не встречена ни разу (Шульпин 1961). В 1940-х и 1960-х ястребиная славка, хотя и отмечалась ежегодно, была распространена весьма спорадично (Шевченко 1948; Ковшарь 1966, 1970). Заметное колебание её численности в те годы происходило и в Заилийском Алатау (Корелов 1972).

К 1980-м годам *S. nisoria* стала очень редка в Таласском Алатау и встречалась 1-2 раза за лето (последнее гнездо обнаружено в 1977 — Ковшарь, Чаликова 1992), а с 1983 не отмечалась совсем. В начале XX в. она была обычна на гнездовании по долине Пскема, в конце 1940-х встречена лишь однажды, а в 2002 г. её здесь вообще не видели (Корелов 1956; Ковшарь 2002). По-видимому, сокращение численности ястребиной славки произошло по всему ареалу, т.к. с 1987 её перестали встречать в Таласском Алатау на пролёте. Кроме того, в 1966-1981 она уже лишь в небольшом числе пролетала через Чокпакский перевал (Гаврилов, Гисцов 1985), а в конце 1990-х стала редкой по всему Казахстану, кроме юго-восточного (Гаврилов 1999).

Приведём ещё два примера, но теперь видов с увеличивающейся численностью. В заповеднике Аксу-Джабаглы вяхирь *Columba palumbus* долгое время считался немногочисленным гнездящимся видом арчового леса только двух уроцищ (Шевченко 1948; Ковшарь 1966). Примерно так же картина выглядела до середины 1980-х. Затем началось медленное и постепенное освоение этим голубем новых биотопов и территорий, и к 2001 году он уже нормально гнездился по лиственным лесам в нижней части большинства ущелий, а в 2002 — и в с. Жабагылы (Чаликова 2002). Заметно больше стало вяхиря по всему Западному Тянь-Шаню. Так, если на территории Чаткальского заповедника в конце 1940-х за одну экскурсию встречали не более 1-2, реже 3 экз. (Железняков, Колесников 1958), то летом 1994 его доля от числа встреченных в прирусловом тугае и арчовом редколесье составила 20% (Лановенко 1997а). Если в Карагату вяхиря не нашли в 1926-1927 (Шапошников 1931), то в 1941 г. он оказался обычным для ясеневого леса Чаяна и Малой Сунги (Долгушин 1951), в 1983-1985 гнездился в Кокбулаке (С.Л.Скляренко, устн. сообщ.), а в 2002 впервые встречен в Малом Карагату (Колбинцев, Чаликова 2002). На повсеместное увеличение численности вяхиря указывает и соотношение его встреч на пролёте в районе Чокпакского перевала: до 1980-х он встречался в небольшом числе (Гаврилов, Гисцов 1985), с 1990-х стал обычным (Гаврилов 2000) и гнездится всюду по лесозащитным полосам. И наконец, для вяхиря, как и для других обитателей культурного ландшафта предгорий, в той или иной мере замечено расширение ареала в северо-восточном направлении (Ковшарь, Березовиков 2001).

Не вписывается в общую картину состояние численности вяхиря по долине Пскема. В конце 1940-х — начале 1950-х его находили здесь многочисленным по горным лиственным лесам и в нижней части арчовых редколесий (Корелов 1956). В 2002 г. он был здесь лишь обычным (Ковшарь 2002). Это можно объяснить тем, что в первом случае основные наблюдения проводились в нижней части долины, а во втором — в верхней.

Желтогрудую лазоревку *Parus flavipectus* в Аксу-Джабаглы в 1930-х и 1940-х годах отмечали на гнездовые лишь в каньоне Аксу, причём в 1933 её нашли здесь обычной, в 1935 — очень редкой (Шульгин 1956), а с 1944 по 1947 её встретили там лишь однажды (Шевченко 1948). В 1960-х *P. flavipectus* в небольшом числе гнездилась по другим двум долинам. С 1965 года, после развески искусственных гнездовий, она расселилась из лиственных лесов в арчовые, где до 1964 г. ни разу не встречалась (Ковшарь 1966). В

настоящее время она хоть и остается немногочисленной на гнездовье, но распространена по заповеднику гораздо шире (Чаликова, Скляренко 2002).

Существенно расширились места гнездования *P. flavipectus* и за пределами заповедной территории. После установления бетонных столбов во время электрификации железной дороги в конце 1980-х - начале 1990-х, она к концу 1990-х стала обычной в лесополосе вдоль неё. Здесь лазоревки устраивают гнёзда внутри полых столбов, имеющих многочисленные отверстия. Прежде вокруг осеннего лагеря Чокпакского орнитологического стационара, располагавшегося в лесополосе с 1966 по 1981 годы, её наблюдали лишь дважды (Гаврилов, Гисцов 1985). По-видимому, именно в 1990-х, после освоения птицами новых мест для гнездования, произошла откочёвка части популяции желтогрудой лазоревки из среднегорий в предгорья.

Заметное увеличение численности *P. flavipectus* произошло и в других частях её ареала. Если в конце 1940-х и в 1950-е годы по долине Пскема она была обычной, но распространённой спорадично по лесному поясу (Корелов, 1956), то в 2002 г. она встречалась по всем лесам повсеместно (Ковшарь 2002). В мае-июле 1998 желтогрудую лазоревку неоднократно встречали в Машаттау (Ковшарь 1999), а в августе 2002 — по всему ущелью Даубаба. В целом за последние 20 лет она расширила границы ареала по всему Западному Тянь-Шаню. Так, в Карагату её впервые отметили весной 1981 г. в ущелье Кокбулак. В 1982 г. несколько пар строили гнезда, в основном вблизи кордона с густыми старыми посадками ореха, яблони и т.п. (Чаликова, Скляренко 2002). Однако во время кратковременных выездов в ущелье с апреля по июль в 1984-1986 её там не встретили ни разу. 26 и 27 августа 2002 здесь же по одной птицы видели в 3 разных местах ущелья, а 2 сентября 2002 стайку из 5 особей встретили ещё северо-западнее, в урочище Боролдай.

Если у только что рассмотренных видов птиц колебаниях численности вполне можно проследить даже по литературным данным, то для других на основании опубликованных сведений это сделать невозможно. Флуктуации их численности могут быть выявлены только при специальных наблюдениях. Ярким тому примером могут служить данные, полученные в заповеднике Аксу-Джабаглы по численности желчной овсянки *Emberiza bruniceps*. С тем, что она была одним из многочисленных гнездящихся видов, согласны все предыдущие исследователи. Единственное упоминание о колебании её численности мы находим у Л.М.Шульпина (1961): в 1933 численность была, по-видимому, выше, чем в 1926. Вплоть до 1990 г. *E. bruniceps* находили то многочисленной, то обычной, в зависимости от мест гнездования. Однако в 1990-х годах её численность сокращается настолько, что она перестаёт вообще встречаться в прежде обычных для неё местах гнездовий. Период депрессии численности затягивается на десятилетие. Например, в арчовых лесах её численность в 1990-е в 5.2 раза ниже, чем в 1980-е (1.3 и 6.8 особи в час, соответственно). В стелющимся арчовнике она встречается лишь в годы максимальной численности (1984-1986, колебания от 2.1 до 1.34, в среднем 1.6 ос./час). В арчовом лесу одного из урочищ удалось проследить, как происходили эти колебания в течение последних 20 лет. Возрастание численность желчной овсянки в 2 раза (с 5.2 до 10.8 ос./час) шло с 1983 по 1986, а затем численность упала в 1987 в 2.6 раза (до 4.1) и к 1991 — ещё в

5.5 раза (до 0.8). В 1990-е такие перепады замечены дважды: незначительное повышение в 3 раза длилось с 1991 до 1993 (с 0.8 до 2.3) и новое снижение в 10 раз — с 1994 до 1999 (с 2.1 до 0.2). С 2000 произошёл резкий скачок численности, в 8.7 раз (до 1.6), в 2001 — в 2.7 (до 4.3) и в 2002 — ещё в 1.2 раза (до 5.3).

Таким образом, медленный спад численности (в результате она уменьшилась, по нашим приблизительным оценкам, в 60 раз) длился в течение 13 лет, с 1987 по 1999 (с 10.8 до 0.18 ос./час). Затем за три года (2000-2002) численность *E. bruniceps* возросла в 30 раз (с 0.18 до 5.3), достигнув уровня 1983 года (5.17). Двукратное повышение численности овсянки возможно ещё в течение 3-4 лет, а затем, видимо, последует новый спад. В чём причина таких колебаний, пока не ясно (хотя и существуют несколько версий, в т.ч. саморегуляция численности вида), но такое резкое возрастание числа гнездящихся птиц за небольшой отрезок времени возможно только за счёт особей, оставшихся здесь на гнездование по окончании пролёта. В дальнейшем постепенное повышение численности и расселение по разным биотопам, скорее всего, пойдет за счёт роста местной популяции.

Кстати, малочисленность желчной овсянки в Западном и Центральном Тянь-Шане в 1998-1999 отмечают А.Ф.Ковшарь и В.И.Торопова (1998/1999) и объясняют это поздними сроками наблюдения (конец июля). По нашим данным, численность этой овсянки заметно снижается лишь к началу сентября. Так, в год максимальной её численности (1986) она изменялась по месяцам таким образом: май — 1.2 ос./час, июнь — 12.3, июль — 15.5 и август — 18.6.

В настоящей статье приведены лишь несколько примеров изменений численности птиц. У одних видов, как соловей-белошайка и райская мухоловка, флюктуации численности можно выявить, не прибегая к специальным исследованиям. Первый в периоды депрессий исчезает из среднегорий и оба вида в период высокой численности появляются на новых местах гнездования или же возвращается в прежние. У других, например желчной овсянки, для выявления особенностей изменения численности необходимы специальные наблюдения. Предположение Л.М.Шульпина о положительной связи между численностью туркестанского жулана и ястребиной славки нашло подтверждение лишь через шесть десятилетий. Отрицательная связь между численностями прослежена для серой *Sylvia communis* и певчей *S. hortensis* славками — первая вытесняет вторую. Однако, в отличие от *S. nissoria*, повсеместно сокращающей свою численность, певчая славка в последнее десятилетие расширила своё распространение от Таласского Алатау до предгорий Тарбагатая, примыкающих к Зайсанской котловине (Ковшарь, Березовиков 2001). Таких пока не объяснимых фактов множество, но и эти вопросы разрешимы при наличие большого количества даже одномоментных наблюдений за птицами по различным регионам.

Литература

- Алланазарова Н., Сагитов А.К. 1979. Материалы по экологии гнездования сорокопута-жулана (*Lanius collurio phoenicuroides*) и чернолобого сорокопута (*Lanius minor*) // Экология гнездования птиц и методы ее изучения: Тез. Всесоюз. конф. молодых учёных. Самарканд: 9-10.

- Аюпов А.Н., Хакимова Н. 1988. Экология сорокопута жулана в долине реки Аксаката // *Экология, охрана и рациональное использование птиц Узбекистана*. Ташкент: 10-12.
- Гаврилов Э.И., Гисцов А.П. 1985. *Сезонные перелёты птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня*. Алма-Ата: 1-223.
- Гаврилов Э.И. 1999. *Фауна и распространение птиц в Казахстане*. Алматы: 1-198.
- Гаврилов А.Э., Колбинцев И.Г. 2002. Кызылколь // *Каз. орнитол. бюл.* 2002. Алматы: 20.
- Губин Б.М. 1991. Краткие сообщения // *Редкие птицы и звери Казахстана*, Алма-Ата: 67.
- Губин Б.М., Карпов Ф.Ф. 2000. Гнездящиеся птицы Малого Карагату (Южный Казахстан) // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 88: 3-14.
- Долгушин И. А. 1951. К фауне птиц Карагату // *Изв. АН Каз. ССР. Сер. зоол.* 10: 72-117.
- Железняков Д.Ф., Колесников И.И. 1958. Фауна позвоночных горно-лесного заповедника // *Тр. Горно-Лесного заповедника*. Ташкент: 94-117.
- Иващенко А.А. 1979. К гнездовой биологии соловья-белошайки в Казахстане // *Экология гнездования птиц и методы ее изучения: Тез. Всесоюз. конф. молодых учёных*. Самарканд: 90-91.
- Иващенко А.А. 1982. О гнездовании редких видов птиц в заповеднике Аксу-Джабаглы // *Экологические исследования и охрана птиц Прибалтийских республик*. Каунас: 35-36.
- Карпов Ф.Ф., Белялов О.В. 2002. Райская мухоловка // *Каз. орнитол. бюл.* 2002. Алматы: 110.
- Красная книга Казахской ССР.* 1978. Т. 1. Животные. Алма-Ата: 1- 207.
- Красная книга Казахстана.* 1996. Т. 1. Животные. Ч. 1. Позвоночные. Алматы: 1-327.
- Коваленко А.В., Гаврилов Э.И., Белялов О.В., Карпов Ф.Ф., Анненкова С.Ю. 2002. Орнитологические наблюдения на озере Кызылколь (Южный Казахстан) в период сезонных миграций // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып.* 199: 879-887.
- Ковшарь А.Ф. 1962. К экологии райской мухоловки (Таласский Алатау) // *Орнитология* 4: 234-236.
- Ковшарь А.Ф. 1966. *Птицы Талассского Алатау*. Алма-Ата: 1- 435.
- Ковшарь А.Ф. 1970. Семейство Мухоловковые // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 424-452.
- Ковшарь А.Ф. 1988. Залёт райской мухоловки в пустыню Бетпак-Дала // *Орнитология* 23: 212.
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н. 2001. Тенденция изменения границ ареалов птиц в Казахстане во второй половине XX столетия // *Selevinia*: 33-52.
- Ковшарь А.Ф., Торопова В.И. 1998/1999. Путевые заметки о птицах Тянь-Шаня и Алтая (по материалам экспедиции 1998 и 1999 гг.) // *Selevinia*: 106-121.
- Ковшарь А.Ф., Чаликова Е.С. 1992. Многолетние изменения фауны и населения птиц заповедника Аксу-Джабаглы // *Орнитологические исследования в заповедниках*. М.: 28-44.
- Ковшарь В.А. 1999. Летняя фауна гор Машаттау (Ирсу-Даубабинский заказник Южно-Казахстанской области) // *Проблемы охраны и устойчивого использования биоразнообразия животного мира Казахстана*. Алматы: 72.
- Ковшарь В. А. 2002. К авифауне верхней части бассейна реки Пскем // *Selevinia* 1/4: 135-149.
- Колбинцев В.Г. 1984. Тенденция к расширению области гнездования райской мухоловки в Западном Тянь-Шане // 8-я Всесоюз. зоогеогр. конф. (тез. докл.). М.: 74-75.
- Колбинцев В. Г. 1991. Райская мухоловка в Малом Карагату // *Редкие птицы и звери Казахстана*. Алма-Ата: 223-246.
- Колбинцев В.Г. Чаликова Е.С. 2002. Карагату // *Каз. орнитол. бюл.* 2002. Алматы: 21-22.
- Корелов М.Н. 1956. Фауна позвоночных Бостандыкского района // *Природа и хозяйствственные условия горной части Бостандыка*. Алма-Ата: 259-325.
- Корелов М.Н. 1964. Изменение границ ареалов южных видов птиц в Северном Тянь-Шане // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* 24: 40-41.
- Корелов М.Н. 1970. Семейство Сорокопутовые // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 3: 364-399.
- Лановенко Е.Н. 1997. Исследование орнитофауны Чаткальского биосферного заповедника // *Тр. заповедников Узбекистана*. Ташкент, 2: 45-54.
- Лановенко Е.Н. 1997а. Структура летнего населения птиц Чаткальского биосферного заповедника // *Тр. заповедников Узбекистана*. Ташкент, 2: 62-73.

- Лапшин Е.Н. 2002. Первое нахождение соловья-белошёйки в горах Малайсары // *Каз. орнитол. бюл.* 2002. Алматы: 110.
- Леонович В.В. 1962. К биологии малоизученных птиц Таджикистана // *Бюл. МОИП*, Отд. биол. 67, 2: 121-124.
- Митропольский О.В. 2002. Обзор птиц семейства дроздовых (*Aves: Passeriformes: Turdidae*) Западного Тянь-Шаня как возможных биоиндикаторов состояния экосистемы // *Биоразнообразие Западного Тянь-Шаня: охрана и рациональное использование*. Ташкент: 158-170.
- Митропольский О.В., Третьяков Г.П., Фоттелер Э.Р. 1981. Материалы к оологической характеристике птиц Западного Тянь-Шаня // *Экология некоторых видов млекопитающих и птиц равнин и гор Узбекистана*. Ташкент: 69-72.
- Хроков В.В. 2002. Наблюдения редких и занесённых в Красную книгу видов птиц, сделанные в 2001 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2002. Алматы: 45.
- Чаликова Е.С. 2002. Безрезультатная 12-дневная попытка строительства гнезда у вяхиря в предгорьях Таласского Алатау // *Selevinia* 1/4: 316-317.
- Чаликова Е.С., Иващенко А.А. 1990. Экология гнездования соловья-белошёйки в Таласском Алатау // *Редкие и малоизученные птицы Средней Азии*. Ташкент: 124-127.
- Чаликова Е.С., Скляренко С.Л. 2002. Желтогрудая лазоревка в Талассском Алатау // *Selevinia* 1/4: 233-239.
- Шапошников Л.В. 1931. О фауне и сообществах птиц Карагатай (Орнитологические результаты поездок летом 1926 и 1927 гг. в горы Карагатай) // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. 40: 237-284.
- Шевченко В.В. 1948. Птицы государственного заповедника Аксу-Джабаглы // *Тр. заповедника Аксу-Джабаглы* 1: 36-70.
- Шульпин Л.М. 1956. Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы // *Тр. Ин-та зоол. АН Каз.ССР* 6: 158-193.
- Шульпин Л.М. 1961. Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы // *Тр. Ин-та зоол. АН Каз.ССР* 15: 147-160.
- Шульпин Л.М. 1965. Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) // *Труды заповедника Аксу-Джабаглы* 2: 160-202.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск 228: 744-749

Мониторинг водоплавающих и околоводных птиц на водоёмах Кустанайской области (Северный Казахстан) в октябре 2001 и 2002 годов

С.Н. Ерохов, Н.Н. Березовиков

Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Министерства образования и науки РК, Академгородок, Алматы, 480060, Казахстан. E-mail InstZoo@nursat.kz

Поступила в редакцию 6 марта 2003

Мониторинговые исследования гусеобразных в Кустанайской обл., охватывающие все основные водоёмы, мы проводим с 1997 года при финансовой поддержке Агентства по окружающей среде Хяме (Финляндия). Основные результаты учётов гусей и казарок в 1997-2000 гг. опубликованы (Ерохов и др. 2000). С 29 сентября по 12 октября 2001 проведён 5-й осенний сезон учётов.

Маршрут и сроки экспедиции 2001: Кустанай – Рудный – посёлок Перелески – оз. Сопылынсор (29/30 сентября); Денисовка – Сахаровка – оз. Кулыколь (30 сентября); Кулыколь (1/2 октября); Кулыколь – пос. Уркаш – оз. Тениз – оз. Батпакколь (2/3 октября); озеро в 5 км южнее с. Дружба – Раздольное – оз. Сулуколь у с. Мырзаколь – пос. Аулиеколь (Семиозёрное) – оз. Кояндыгаш у с. Дузбай (3/4 октября); ст. Койбагар – оз. Койбагар (4/5 октября); с. Кара-Мырза – оз. Биесойган – оз. Тюнтюгур (5/6 октября); оз. Бозшаколь – пос. Сарыколь (Урицк) – оз. Жаксы-Жарколь у с. Анновское (6/7 октября) – оз. Акчиколь – оз. Жаман – оз. Лебяжье (7/8 октября); Королевка - Ряжское – оз. Акжан (Неклюдово) (8/9 октября); пос. Узынколь – оз. Каракамыс – оз. Карасор – с. Косколь – оз. Ащиколь – оз. Шошканы на р. Убаган (9 октября); Шошканы (10/11 октября); берёзовый лес у с. Михайловка между пос. Борки и Боровской (11/12 октября); пос. Боровской – г. Кустанай (12 октября). Общая протяжённость маршрута 1300 км; отмечено 108 видов птиц.

Для всей первой декады октября были характерны частые сильные и очень сильные ветры, преимущественно западного и юго-западного направлений. С 29 сентября по 1 октября в ночь были слабые туманы и небольшие заморозки, днём умеренная облачность с температурой от +5 до +11°C. В последующие 3 дня стояла ясная погода, но ночью температура опускалась до -6°C. С 5 по 10 октября стояла пасмурная погода со сплошной низкой облачностью, дважды прошли дожди. С 8 по 12 октября дул очень сильный, иногда штормовой западный ветер, временами сопровождавшийся продолжительными дождями.

На большинстве контролируемых нами озёр, вследствие длящегося здесь уже 8 лет засушливого периода, уровень воды продолжал понижаться. Одно из важнейших для водоплавающих озеро – Кулыколь – высохло почти полностью. В тоже время в ряде озёр на севере области, где весной был значительный паводок, уровень воды повысился на 0.5-1.0 м. Недостаток воды во многих озёрах и высокий уровень её минерализации негативно влияли на численность водоплавающих и характер их размещения.

Во время осенней поездки по Кустанайской области проведена оценка численности и особенностей размещения 4 видов мигрирующих гусей: *Anser anser*, *A. albifrons*, *A. erythropus* и *Rufibrenta ruficollis* на 14 ключевых, ежегодно обследуемых водоёмах, где в общей сложности учтено 130313 гусей и казарок. По сведениям охотоведов, егерей и опытных охотников, начало осенней миграции указанных видов пришлось на третью декаду августа, что соответствует средним многолетним срокам. Однако, в отличие от предыдущих осенних сезонов, первая большая волна пролётных гусей зарегистрирована в 2001 г. значительно раньше, в конце не третьей, а второй декады сентября. К началу первой декады октября (время пика пролёта) в 2001 г., напротив, численность их на контролируемых водоёмах заметно снизилась. Например, количество наиболее массовых в предыдущие годы белолобых гусей составило лишь около 32 тыс., что в 4 раза меньше, чем в 2000 г. и более чем в 10 раз меньше, чем в 1999. Численность серого гуся и краснозобой казарки была на уровне 2000 г. (соответственно, 57600 и 36700 ос.). В отличие от перечисленных видов, численность *A. erythropus* более чем вдвое превысила прошлогоднюю и составила 3700 особей. Кроме того, по сведениям охотоведа Узынкольского р-на В.Н.Крутнева, в северо-восточной части области с 1 по 7 октября впервые за многие годы в заметном числе летели *A. fabalis*, в отдельных стаях которых насчитывалось до 50 особей. Однако нам удалось увидеть только двух гуменников на оз. Акжан (8 ок-

тября). В целом на водоёмах Кустанайской обл. осенью доминировал *A. anser*, его общая численность с учётом дополнительных данных, полученных от охотоведов и егерей, составила 89400 особей.

Соотношение взрослых и молодых особей у *A. erythropus* в 2001 г. составило 1:2.7 ($n = 57$), тогда как в прошлом году — 1:0.8 ($n = 21$).

Одновременно с учётами гусей и казарок проведены учёты других водоплавающих и околоводных птиц. Поскольку условия проведения учётов, как и размеры водоёмов, где их проводили, значительно варьировали, численность определяли на пробных площадках. Их общая площадь составила 18.5 км², на которой суммарно учтено 78287 птиц. Лебеди составили 929 особей (1.2%), огари *Tadorna ferruginea* и пеганки *T. tadorna* — 43 (0.05%), лысухи *Fulica atra* — 38 306 (48.9%). Среди учтённых речных уток ($n = 3120$) традиционно доминировали *Anas platyrhynchos* (54%) и *A. acuta* (16.2%), обычными были *A. penelope* (8.3%), *A. crecca* (4.5%), *A. strepera* (4.4%), изредка встречалась *A. clypeata* (0.3%). Из нырковых уток ($n = 7779$) абсолютный доминант — *Aythya fuligula* (64.7%), сравнительно обычны *A. ferina* (14.4%) и *Bucephala clangula* (9.9%), реже встречались *Netta rufina* (5.7%), *Aythya marila* (3.1%) и исключительно редкими были *Oxyura leucocephala*, *Mergus merganser* (по 0.2%) и *Aythya nyroca* (0.02%). В предыдущие годы основными местами концентрации речных уток были два озера — Кулыколь и Шошканы, на каждом из них ежегодно концентрировалось до 40-50 тыс. различных уток, преимущественно *Anas platyrhynchos*, *A. acuta* и *A. penelope*. В связи с почти полным усыханием в этом году оз. Кулыколь и исчезновением прибрежных мелководий на Шошканы, численность речных уток на каждом из них сократилась до 3–5 тыс. особей. Основная концентрация *F. atra* сместилась на озёра Сулуколь, Жаман и Лебяжье, на которых суммарно учтено около 50 тыс. особей. В целом же на контролируемых озёрах, в сравнении с предыдущими годами, уменьшилась доля *A. acuta* и особенно *A. strepera*, несколько меньше стало *A. platyrhynchos* и *A. crecca*. В тоже время заметно возросла частота осенних встреч *Oxyura leucocephala* — отмечено 19 особей (29 сентября 1 самец на оз. Сопылынзор, 4 октября 6 самок и 12 самцов на оз. Кояндыгаш) в сравнении с 1-3 особями в предыдущие годы. Впервые за последние 3 года встречена *Aythya nyroca* — 2 особи 29 сентября на оз. Сопылынзор.

Из поганок ($n = 310$) практически на всех водоёмах встречалась *Podiceps cristatus* — 246 особей (79.4%), реже — *P. nigricollis* — 49, *P. auritus* — 12 и *P. griseogenus* — 3 особи. Достаточно часто встречались *Phalacrocorax carbo* — 373, реже — *Egretta alba* — 73, *Ardea cinerea* — 29 и лишь однажды отмечена *Botaurus stellaris*. *Grus grus* встречено 206 особей, *Anthropoides virgo* — 95. Сравнительно обычны на озёрах чайки ($n = 2968$); преобладали *Larus ridibundus* — 1748 (58.9%), *L. canus* — 879 (29.6%), *L. cachinnans* — 333 (11.2%) и единично наблюдались *L. ichthyaetus* — 6, *L. minutus* и *Chlidonias leucophaeus* — по 1 особи. На водоёмах встречено 13 видов куликов ($n = 668$), из числа которых наиболее часто учитывались *Calidris alpina* — 413 (61.8%), *Vanellus vanellus* — 64, *Pluvialis squatarola*, *C. minuta*, *Limosa limosa* (по 49 ос.). Изредка наблюдались *Tringa erythropus* (18 ос.), *Gallinago gallinago* (13), *Charadrius hiaticula* (8) и единично *Pluvialis apricaria*, *Eudromias morinellus*, *Himantopus himantopus*.

topus himantopus, *Tringa totanus*, *Lymnocryptes minimus* (по 1 особи).

Кроме того, на маршруте встречено 11 видов хищных птиц (72 особи), в том числе *Circus cyaneus* (17), *Falco tinnunculus* (12), *Haliaeetus albicilla* (11), *Falco columbarius* (4), *Accipiter nisus* (3), *Circus aeruginosus* (3), *Aquila nipalensis* (2), а также одиночные *Pandion haliaetus*, *Buteo lagopus*, *B. rufinus* и *Falco cher-rug*. Из голубей наиболее многочисленными были *Columba oenas* (891 ос.), встречавшиеся вдоль дорог и по убранным полям стаями до 80-120 особей. По одному разу встречены *C. palumbus* (14), а также *Streptopelia orientalis* и *S. decaocto*. *Tetrax tetrax* встречен лишь один раз: 3 октября 2001 группа из 3 особей между оз. Батпакколь и пос. Дружба, хотя в конце сентября в окрестностях оз. Кулыколь их держалось около 150 штук. Из воробьиных встречен 31 вид, но существенных дополнений к фаунистическому списку из их числа в этом году не было.

Маршрут и сроки экспедиции 2002: г. Кустанай — пос. Узынколь — оз. Лебяжье (5/6 октября) — оз. Жаман — оз. Жаксы Жарколь (6/7 октября) — с. Анновское — пос. Сарыколь — оз. Бозшаколь — оз. Тюнтугур (7/8 октября); с. Суйгенсай — оз. Койбагар (8/9 октября) — Койбагар (9/10 октября) — пос. Ка-расу — ст. Койбагар — пос. Аулиеколь — пос. Мырзаколь (Диевка) — оз. Сулуколь (10/11 октября); Сулуколь (11/12 октября); пос. Косягол — Раздольное — Дружба — оз. Батпакколь (12/13 октября); оз. Тениз (Тоунсорский заказник) — оз. Ку-лыколь (13 октября); оз. Кулыколь (14/15 октября); с. Сахаровка — Денисовка — Верхне-Тобольское водохранилище — Кустанай (16 октября); Кустанай (17-18 октября). Общая протяжённость маршрута 1200 км. Отмечено 100 видов птиц.

Поездка пришлась на период сильного похолодания, в значительной степени повлиявшего на ход осенней миграции птиц и на их численность на водоёмах. Затяжной моросящий дождь 5 октября сменился снежной крупой и ночным заморозком с обильным утренним инеем. С 6 по 11 октября стояла пасмурная погода с периодическими северными ветрами и ночными понижениями температур. 12 октября прошел обильный снегопад, перешедший к вечеру в метель. На следующее утро степи были покрыты сплошным снежным покровом и приобрели облик зимнего ландшафта. С 13 по 16 октября установилась "зимняя погода" с холодными северными ветрами, ночными морозами (-10-15°C); озёра в юго-западной части области покрылись льдом. Вместе с волной холодов появились передовые *Buteo lagopus* и *Acanthis flammea*. Лишь 17-18 октября началось незначительное потепление и сход снежного покрова.

Из особенностей гидрологического режима кустанайских водоемов в 2002 году следует отметить завершение 9-летнего засушливого периода и значительное наполнение водой многих озёр в результате обильного весеннего паводка. Вновь заполнились водой оз. Кулыколь, высохшее в прошлом году (основное место концентрации гусей и казарок), озёра Наузумского заповедника, в том числе Большой и Малый Аксут и частично Сарымойн. Заметно поднялся уровень воды на Тюнтугуре и Койбагаре. В сентябре 2002 средние глубины на Кулыколе составляли 0.7-1.2 м, Лебяжьем и Жамане — 1.0-1.5 м, Койбагаре — 1.0-1.2 м, Тюнтугуре — 1.2-1.5 м.

Выборочные учёты водоплавающих и околоводных птиц в 2002 году выполнены на 8 водоёмах. Гуси и казарки были представлены 4 видами: *Anser anser*, *A. albifrons*, и *Rufibrenta ruficollis*. Всего подсчитано 196749 особей, что более чем на $\frac{1}{3}$ выше численности гусей в 2001. Преобладали *A. anser* (136051 ос.), численность *R. ruficollis* осталась на прежнем уровне —

34346 особей. Однако массовый в прежние годы *A. albifrons* в 2002 г. был очень малочисленным — лишь 15391 особь. Результаты учёта *A. erythropus*, напротив, превзошли все ожидания, т.к. учтена 10951 особь. Это втрое больше, чем в 2001 г. и в 7 раз больше, чем в 2000 г. Соотношение взрослых и молодых составило 1:2.6. При этом преобладание в скоплениях и стаях пискулек молодых птиц позволяет надеяться, что численность мигрирующей через Казахстан сибирско-каспийско-черноморской популяции пискульки, продолжает увеличиваться.

Отличительной особенностью осеннего пролёта этих видов явилось более раннее (на 7-10 дней), чем обычно, его начало (сообщение охотоведа В.А. Сахно), отсутствие, по сравнению с другими годами, крупных долговременных скоплений и более ранний отлёт гусей в более южные и западные регионы. Основная масса гусей сконцентрировалась на оз. Кулымоль (161187 птиц, или 82% от всего количества, встреченного нами). Возможно, что это был результат эффективной охраны кулымольского скопления гусей, т.к. на всех других озёрах велась довольно интенсивная охота. Можно предположить также, что хотя большинство из этих озёр в этом году значительно наполнилось водой, здесь ещё не сформировались достаточно благоприятные условия для остановок гусей. По мнению местных охотников, вода в озёрах ещё “плохая для гусей и уток”, не достаточно пресная. В то же время, по сведениям Кустанайского общества охотников (А.Е. Коваленко), на юге области, к востоку от г. Аралыка, в течение всей осени, как и в 2001, сконцентрировалось до нескольких сотен тысяч гусей, в основном *A. albifrons*. Возможно, что решающее значение при этом имеет именно пресная вода в Аркалыкских озёрах.

Из числа лебедей *Cygnus cygnus* составили 265 особей (52.5%), *C. olor* — 187 (37%), *C. bewickii* — 20 (4%), неопределённые до вида — 24 (4.8%). Среди учтённых речных уток ($n = 4106$ особей) повсеместно преобладали *A. platyrhynchos* — 1888 (46%), *A. acuta* — 942 (22.9%), *A. penelope* — 650 (15.8%), остальные виды встречались редко: *A. clypeata* — 330 особей, *A. crecca* — 272, *A. strepera* — 21, *A. querquedula* — 1. Из нырковых уток ($n = 3413$) доминировала *Aythya fuligula* — 2274 (66.6%), реже встречались *A. ferina* — 480, *Netta rufina* — 215, *Bucephala clangula* — 145, *Mergus albellus* — 94, *Aythya marila* — 12 и *Mergus merganser* — 2 особи. Впервые за 6 лет осенних учётов на оз. Сулуколь 10-11 октября отмечено значительное миграционное скопление *M. serrator* — 181 особь. Здесь же встречено 10 *Oxyura leucocephala*. Из земляных уток встречена единственная *Tadorna tadorna*. Наиболее значительные скопления речных уток (кряква, шилохвость, свиязь) в этом году наблюдались на юго-западе области на оз. Кулымоль и прилежащих пшеничных полях, где по приблизительной оценке держалось 20-25 тыс. особей. Примерно 13-15 тыс. водоплавающих птиц 10-11 октября держалась на оз. Сулуколь (2.0×0.5 км), в т.ч. *Aythya fuligula* — 5 тыс., *Fulica atra* — 3 тыс., *Aythya ferina*, *Anas platyrhynchos*, *A. penelope*, *A. clypeata* — по 1 тыс., *Bucephala clangula* — 100, *Podiceps cristatus* — 125, *P. nigricollis* — 60 особей. Значительная концентрация *A. fuligula*, *A. ferina*, *A. acuta* наблюдалась также на оз. Тюнтугур (до 10 тыс. особей). На остальных озёрах речные и нырковые утки и лысухи были малочисленны. Особенно низкой этой осенью была числен-

ность *Anas strepera*. По всей видимости, основная масса водоплавающих птиц в этом году сместилась на юго-запад значительно раньше обычных сроков.

Сравнительно мало на озёрах было и других птиц. Из поганок ($n = 3293$) наблюдалось 4 вида: *Podiceps cristatus* — 3175 (96.4%), *P. nigricollis* — 92, *P. griseogena* — 16 и *P. auritus* — 10 особей. Основная масса больших поганок концентрировалась на Верхне-Тобольском водохранилище (3000 ос. на 5 км акватории). Сравнительно редко встречались *Phalacrocorax carbo* (139 ос.), *Egretta alba* (14) и *Ardea cinerea* (6). Единственную стаю из 12 *Pelecanus crispus* видели 8 октября на оз. Койбагар. Малочисленны были чайки ($n = 2391$), особенно *Larus ridibundus* (134 ос.), *L. cachinnans* (24), *L. heuglini* (8) и *L. ichthyaetus* (4). Преобладала *L. canus* — 2221 особей (92.9%), при этом основное скопление сизых чаек (2000 ос.) наблюдалось на оз. Койбагар. Из куликов ($n = 498$) чаще всего встречался *Vanellus vanellus* — 423 особи (84.9%), остальные редко: *Calidris alpina* — 48 (9.6%), *Pluvialis squatarola* — 12 (2.4%), *P. apricaria* — 8 (1.6%), *C. minuta* — 4 (0.8%), *Tringa erythropus*, *Gallinago gallinago* и *Scolopax rusticola* — по 1 особи (по 0.2%).

Из числа редких птиц на маршруте учтено 7 *Haliaeetus albicilla*, 3 *Falco peregrinus*, 4 *F. columbarius*, 1 *Aquila nipalensis*, 1 *A. chrysaetos*, 44 *Tetrax tetrax*. Накануне похолодания над оз. Лебяжье 29-30 сентября наблюдался массовый пролёт *Grus grus* на запад. Нами последние пролётные стаи журавлей встречены 8 октября на озёрах Тюнтугур (520 ос.) и Койбагар (683 ос.). По сведениям егерей Тоунсорского заказника, в юго-западной части области между пос. Талдыколь и Уркаш 30 августа наблюдались 2 взрослых *Grus leucogeranus*. Из воробыиных птиц отмечено 33 вида.

Авторы выражают искреннюю признательность Э.Н.Келломяки, Н.Л.Рипати (Агентство по окружающей среде Хяме, Финляндия) за финансовую поддержку исследований, а также нашему многолетнему спутнику Д.Д.Жукову (Кустанай) за помощь в проведении полевых работ..

Литература

Ерохов С.Н., Березовиков Н.Н., Келломяки Э.Н., Рипати Н.Л. 2000. Пискулька и со-
путствующие ей виды гусей в Казахстане в период миграций // *Казарка* 6: 121-159.

Найдено гнездо трёхпалого дятла *Picoides tridactylus* в окрестностях Печор

А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных, Биологический факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 10 июня 2003

В Псковской области трёхпалый дятел *Picoides tridactylus* редок и распространён спорадично (Мальчевский, Пукинский 1983; Фетисов и др. 2002). В ближайших окрестностях г. Печоры, где преобладают сосновые леса, мне до сих пор приходилось встречать его лишь осенью и зимой, хотя наблюдения здесь я веду с конца 1960-х. При этом я хорошо знаком с трёхпалым дятлом, в частности, по ельникам Лемболовской возвышенности на Карельском перешейке, и представляется маловероятным, чтобы его постоянное присутствие оставалось бы столь длительное время не замеченным. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с нерегулярным размножением, что характерно для этого дятла и в других районах северо-западной России (Мальчевский, Пукинский 1983).

Дупло трёхпалого дятла удалось обнаружить 28 мая 2003 в 4 км к востоку от Печор, в обширных сосняках вдоль дороги к Новому Изборску. Оно располагалось на границе растущего в межгрядовом понижении багульникового сосняка и брусничного соснового леса, как раз там, где в прошлом году остановился лесной пожар, охвативший значительную часть бора на песчаной мореной гряде (в 2002 году леса горели во многих местах Печорского района). Дупло было выдолблено в мёртвом обломанном стволе осины *Populus tremula* высотой около 7 м и толщиной на уровне груди 22 см. Судя по плодовым телам и характеру гнили, ствол осины был поражён *Phellinus tremulae*. Леток имел правильную круглую форму и диаметр 42 мм*. Он находился на высоте 4.5 м от земли и был ориентирован на север. У основания пня лежало много щепочек, выброшенных птицами при долблении дупла. С противоположной стороны ствола, на 1 м ниже, располагалось незаконченное дупло трёхпалого дятла, также сделанное в этом году. На самой вершине пня находилось прошлогоднее дупло, принадлежавшее, судя по всему, *Dendrocopos major*. В стволе стоявшей рядом сухой сосны на высоте 7 м было прошлогоднее дупло *Dryocopus martius*. Осиновый пень стоял на самом краю горы на довольно открытом месте. За ним тянулся заболоченный лес из *Pinus sylvestris* с примесью *Betula pubescens* в подлеске и *Ledum palustre*, *Vaccinium uliginosum*, *V. myrtillus* в травяно-кустраничковом ярусе. Далее сосняк поднимался на следующую моренную гряду. По границе сухого бора среди сосен росли *Picea abies*, *Betula pendula*.

* В Белорусском Поозерье у обследованного 21 дупла трёхпалого дятла диаметр летка варьировал от 4.0 до 5.2 см (Дорофеев, Дорофеев 2000).

и *P. tremula*. Здесь уже несколько лет постоянно гнездится пара *D. martius*. И в этот день чёрные дятлы выдавали своё присутствие регулярными криками, чем они резко отличались от трёхпалых, державшихся очень скрытно. Судя по поведению, желны кормили птенцов. Из других птиц ближайшими соседями трёхпалых дятлов были *Parus montanus*, *Ficedula hypoleuca*, *Phoenicurus phoenicurus*, *Turdus philomelos*, *Fringilla coelebs*, *Anthus trivialis*.

В гнезде трёхпалого дятла находились яйца, но сосчитать их не удалось. Обнаружив дупло, я затаился неподалёку и стал наблюдать. Как вскоре выяснилось, в дупле находился самец. Через полчаса наблюдений, в 11 ч 30 мин, дятел высунул голову из летка и около 8 мин осматривался. Затем вылетел, перелетел на соседнюю сосну, а оттуда — на вершину пня. Около 5 мин он сидел там, время от времени издавая барабанную дробь. Затем перелетел на сосну, где стал кормиться, сбивая кору боковыми ударами клюва. В окрестностях постоянно пел самец *Ph. phoenicurus*. В 11 ч 42 мин пара горихвосток подлетела к дятловому дуплу. Самка зависла в воздухе, заглядывая в леток. Самец трёхпалого дятла мгновенно спикировал с соседнего дерева, прогнал её и сам заглянул в дупло. Его тотчас же атаковал самец горихвостки, с лёта ударив в спину. Дятел перелетел на сосну и продолжил кормёжку, а самец горихвостки остался петь около пня с дуплами. В связи с этим замечу, что мне неоднократно приходилось наблюдать, как самцы *Ph. phoenicurus* и *F. hypoleuca* по несколько дней пели у занятых другими птицами (дятлами, синицами) дупел, не конфликтую с хозяевами, однако активно прогоняя конспецифичных самцов.

Самец трёхпалого дятла продолжал кормиться, время от времени издавая барабанную дробь. В 11 ч 50 мин прилетела самка, села на гнездовое дерево и несколько раз заглянула в дупло. Затем с тихим клёкотом перелетела на ветвь соседней сосны и приняла характерную предкопуляционную позу. К ней сразу же слетел самец, и произошло спаривание, длившееся 7 с. Затем птицы на некоторое время отлетели, а я занялся осмотром дупла.

Судя по поведению, дятлы насиживали. Однако, копуляция могла свидетельствовать, что в гнезде ещё продолжалась откладка яиц. Впрочем возможно, что копуляция может некоторое время продолжаться и после завершения кладки, так же как начинаться до периода овуляций, что описано для целого ряда птиц.

Аналогичный случай появления трёхпалых дятлов на свежей гари в местах, где этот вид до того не отмечали десятилетиями, описан Л.В.Кулешовой (1978) для Окского заповедника. В год появления птицы приступили к размножению на 2 недели позже, чем в следующем. (В нашем случае кладку тоже можно считать довольно поздней.) Как показали наблюдения В.П.Иванчева (1991, 1995), в дальнейшем трёхпалый дятел остался редкой и нерегулярно гнездящейся птицей Окского заповедника, заселяющей преимущественно сосновые и смешанные леса.

Хотя размножение трёхпалого дятла в Псковской обл. доказано ещё в 1894 г., когда в конце июня Б.П.Кореев добыл под Псковом молодую птицу с неполностью отросшими маховыми и рулевыми (Зарудный 1910), первое для области гнездо этого вида найдено лишь в 1982 году С.А.Фетисовым в Себежском р-не (Фетисов, Ильинский 1993). Описанная находка в Печорском р-не — вторая для Псковской обл. в её современных границах.

Литература

- Дорофеев А.М., Дорофеев С.А. 2000. Гнездование трёхпалого дятла в Белорусском Поозерье // *Фауна и экология птиц бассейна реки Западная Двина*. Витебск: 21-23.
- Зарудный Н.А. 1910. Птицы Псковской губернии//*Зап. Рос. Акад. наук, физ.-мат. отд. Сер. 8. 25*, 2: 1-181.
- Иванчев В.П. 1991. Новые данные по фауне и экологии птиц Оксского заповедника // *Орнитология* **25**: 159-160.
- Иванчев В.П. 1995. *Сравнительная экология дятлообразных центра европейской части России*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-16.
- Кулешова Л.В. 1978. Гнездование трёхпалого дятла в среднем течении р. Оки // *Тр. Оксского заповедника* **14**: 363-366.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **1**: 1-480.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В. 1993. Трёхпалый дятел (*Picoides tridactylus*) в Псковской области//*Рус. орнитол. журн.* **2**, 1: 71-75.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2002. *Птицы Себежского Поозерья и национального парка "Себежский"*. СПб, **1**: 1-152.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2003, Экспресс-выпуск **228**: 752-755

О зимней экологии лебедя-шипуна *Cygnus olor* в Северо-Западном Причерноморье

М.Е.Жмуд

*Второе издание. Первая публикация в 1988**

За последние десятилетия численность лебедя-шипуна *Cygnus olor* значительно возросла, восстанавливается былой ареал вида. Произошли существенные изменения его поведения и экологии, птицы стали более терпимы к воздействию антропогенных факторов (Кривоносов 1981; Wieloch 1984; и др.). Благодаря участившимся за этот период мягким зимам значительная часть шипунов стала проводить холодное время года в более северных районах, чем прежде. Однако даже в обычные по температурному режиму зимы, а тем более в суровые, в Северном Причерноморье и во многих других местах отмечается гибель лебедей, особенно молодых (Ардамацкая 1975; Линберг 1979; Недзинскас 1979; и др.). Так, например, в умеренно холодную зиму 1982/83 г. в низовьях Тилигульского лимана (Одесская обл.) из 132 взрослых и 65 молодых шипунов, отмеченных там в декабре, до весны погибло не менее 5 взрослых (3.8%) и 46 молодых (70.8%). Значительное количество оставшихся в живых птиц оказалось ослабленным, многие долго не были в состоянии взлететь. Ещё более высокая смертность птиц в

* Жмуд М.Е. 1988. О зимней экологии лебедя-шипуна в Северо-Западном Причерноморье //Бюл. МОИП. Отд. биол. **93**, 3: 34-37.

этом районе наблюдалась в аномально сухую зиму 1984/85 г. В то же время лебеди-шипуны проявили некоторые трофические адаптации, способствующие их выживанию в экстремальных условиях зимнего периода.

Преимущественное питание рыбой. В обычных условиях шипун в течение всего годового цикла — типично растительноядная птица. Лишь в незначительном количестве птицы поедают водных беспозвоночных, в единичных случаях — мелкую рыбу (Птушенко 1952; Hilprecht 1956; Wieloch 1984; и др.). В условиях необычно сухой зимы 1984/1985 г. в Стенсовских плавнях дельты Дуная мы наблюдали, как шипуны продолжительное время питались рыбой. Наряду с применяемыми для подкормки хлебными и зерновыми отходами, рыба служила им основным кормом на протяжении второй половины февраля и первой половины марта.

Такая ситуация сложилась следующим образом. С наступлением нехарактерной для последних десятилетий устойчивой морозной погоды в дельте Дуная во второй половине января площадь открытой воды в плавнях стала быстро сокращаться. Уменьшающиеся по площади полыни были полностью заполнены лебедями, среди которых около 90% составляли молодые особи. Некоторые из первогодков имели очень тёмную окраску и не могли летать. В это время обычными стали группы из 15-30 молодых и всего лишь из 2-4 взрослых птиц. Отмечались также ещё нераспавшиеся выводки, но уже без взрослых птиц. Приведённые факты свидетельствуют о том, что с наступлением критического периода зимовки многие родители оставили ещё неокрепший молодняк, обрекая его на гибель, что прежде у шипунов не отмечалось.

До конца января основная часть молодых особей не дожила. Первые птицы гибли поодиночке на льду у полыней, последние замерзали в группах возле уже несуществующих промоин или же непосредственно в них. Отмечалась гибель и отдельных взрослых шипунов, а также лысух *Fulica atra*, красноносых *Netta rufina* и красноголовых *Aythya ferina* ныроков. Однако она не носила столь массового характера, как у молодых лебедей. Ослабленных птиц интенсивно преследовали и уничтожали появившиеся на льду лисицы *Vulpes vulpes*, не трогая при этом замёрзшие трупы. Последних расклёывали многочисленные серые вороны *Corvus cornix*. В результате к началу марта среди уцелевших на водоёме 92 птиц молодых оказалось только 17 (18.5%). Судя по окраске их оперения, это были птицы из ранних выводков. Среди них не было ни одной тёмно-серой особи, так часто встречавшихся в начале зимы. Все они погибли. Общее количество замёрзших шипунов только на этом водоёме составило около 150 птиц. Среди 34 обследованных трупов и сильно ослабленных особей только 4 (11.8%) имели абсолютно белое оперение.

К середине февраля практически все выжившие до этого времени лебеди-шипуны сконцентрировались на полынье за сбросным шлюзом у села Приморское. Птицы стали подпускать человека на 5-7 м. Отдельные особи стали посещать дворы местных жителей, где кормились. В это время в плавнях начался сильный замор рыбы, вода приобрела характерный запах сероводорода. Вместе с вытекающей через шлюз водой начали уходить из водоёма уцелевшие рыбы, абсолютное большинство которых составляли серебряные караси *Carassius auratus*. В этих условиях лебеди перешли на

преимущественное питание рыбой — единственным доступным для них естественным кормом. Выстроившись плотной группой навстречу потоку, птицы поджидали добычу, внимательно всматриваясь в прозрачную воду. Заметив приближающуюся рыбу, лебедь резко погружал голову в воду, преследуя свою жертву. При этом он обычно отходил от группы и продолжал преследование уходящей рыбы с опущенной в воду головой. Успешность такой охоты была весьма высокой. Каждое второе или третье преследование заканчивалось поимкой. Очень редко шипунам удавалось схватить жертву сразу, когда она находилась ещё в быстром потоке. Применялась и другая тактика охоты. Птица поджидала добычу, заблаговременно опустив голову в текущую воду. Однако и в этом случае ей редко удавалось сразу же схватить рыбу. После первого промаха, как и при первом варианте, лебеди продолжали преследование на участке с более спокойной водой. Завидев шипуна, преследующего добычу, к погоне присоединялись его соседи. Ту же тактику применяли для ловли домашние утки, кормившиеся на той же полынье.

Поймав мелкую рыбку, лебедь поднимал голову и пытался проглотить её целиком. С первого раза это удавалось немногим. Живая рыба часто выпадала из клюва, и её снова приходилось ловить в воде. Птицам не хватало опыта, к тому же им мешали соседи, активно преследовавшие шипунов с добычей. Каракат размерами более 10 см проглотить целиком не удавалось. Они долго переходили от лебедя к лебедю, пока не оказывались изрядно потрёпанными и разорванными, после чего заглатывались по частям. Иногда крупные экземпляры так и оставались несъеденными. Их подбирали кормившиеся здесь же серебристые чайки *Larus argentatus*. Следует отметить, что как взрослые, так и молодые лебеди отдавали предпочтение рыбе перед высыпаемой в воду и на лёд подкормкой из зерноотходов и хлебных остатков. На полынье вместе с шипунами кормились рыбой несколько кликунов *Cygnus cygnus*. Здесь же держались многочисленные красноголовые нырки, хохлатые чернети *Aythya fuligula*, лысухи, серебристые и озёрные *Larus ridibundus* чайки. Реже встречались красноносые нырки. Все они поедали рыбу и высыпаемую подкормку. Интересен тот факт, что дистанция бегства у шипунов по отношению к человеку была минимальной по сравнению с другими кормившимися рядом видами птиц.

Наземная кормёжка на Украине впервые отмечена у лебедя-шипуна в ряде мест Северного Причерноморья и Приазовья. Птицы кормились днём стаями до 32 особей на пшеничной озими на расстоянии 350-400 м от морского побережья (Ардамацкая, Лысенко 1980). В суровую зиму 1984/85 г. в Дунай-Днестровском междуречье наземная кормёжка лебедей приобрела массовый характер. В советской части дельты Дуная, где проведены основные наши наблюдения, отмечен вылет птиц на поля озимых и близлежащие солончаковые луга. В окультуренных ландшафтах, где кормилась основная масса шипунов, они появлялись спустя несколько часов после восхода солнца и улетали до его захода, пролетая более 10 км в каждую сторону. Ночевали лебеди на полынях взморья и свободных ото льда участках реки. Суточные перелёты стай в 9-30 особей постепенно приобрели постоянный характер. На озими шипуны кормились, как гуси, скусывая зимующие зелёные листья растений. Отмечено несколько случаев гибели

лебедей на полях. Появившийся к концу зимовки значительный снежный покров вызвал временное прекращение использования птицами озимых полей. Вместе с шипунами отмечались и кликуны. Здесь же кормились белолобые *Anser albifrons* и серые *A. anser* гуси, кряквы *Anas platyrhynchos*. Следует отметить, что молодые лебеди на полях встречались редко. Этот способ кормёжки, очевидно, был основным в критический период зимовки в 1984/85 г. для большинства шипунов, переживавших холодное время года в советской части дельты Дуная, в том числе и в заповеднике “Дунайские плавни”. В следующую, обычную по погодным условиям зиму 1985/86 г., когда замерзание водоёмов в дельте было не столь сплошным и продолжительным, лебедей на полях озимых не отмечали.

Кормёжка на льду. Массовое весеннее появление шипунов в Северо-Западном Причерноморье отмечается задолго до полного освобождения водоёмов ото льда. Поначалу птицы держатся на появляющихся полынях, кормность которых, как правило, невелика. Именно в этот период нами отмечена в плавнях дельты Днестра кормёжка лебедей на льду сочными прикорневищными частями прошлогодних стеблей камыша озёрного. *Schoenoplectus lacustris*. Происходило это следующим образом. В конце зимы, когда вокруг побуревших с осени стеблей камыша протаивают небольшие лунки, появляется возможность выдёргивать стебли из-подо льда. Нижние участки их к этому времени бывают сочными и имеют беловатую окраску.

Мы наблюдали, как тёплым мартовским днём на лёд среди камышовых зарослей опустилась стайка из 7 шипунов и птицы стали выдёргивать крайние стебли, поедая нижние сочные части.

Таким образом, лебедь-шипун в условиях холодных зим в Северо-Западном Причерноморье проявил значительную экологическую пластичность и ряд интересных трофических адаптаций, которые существенно увеличивают состав и количество доступных кормовых ресурсов и способствуют выживанию птиц в экстремальных условиях.

Литература

- Ардамацкая Т.Б. 1975. Миграции и зимовки лебедя-шипуна в Северном Причерноморье // *Материалы Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., 1.
- Ардамацкая Т.Б., Лысенко В.И. 1980. Лебеди на озимы // *Охота и охот. хоз-во* 1.
- Кривоносов Г. 1981. Сколько лебедей-шипунов в СССР // *Охота и охот. хоз-во* 7.
- Линсберг Ю.Г. 1979. Сезонное размещение лебедей-шипунов, гнездящихся в Латвийской ССР // *Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные-пластинчатоклювые*. М.
- Недзинскас В.С. 1979. Сезонное размещение лебедей-шипунов, гнездящихся в Литовской ССР // *Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Аистообразные-пластинчатоклювые*. М.
- Птушенко Е.С. 1952. Род Лебеди // *Птицы Советского Союза*. М., 4
- Hilprecht A. 1956. *Hocherschwan, Singschwan, Zwergschwan*. Wittenberg; Lutherstadt.
- Wieloch M. 1984. Numbers and distribution of the mute swan *Cygnus olor* in Poland against the situation of this species in Europe // *Acta ornithol.* 20, 2.

